

Томсинов В.А., заведующий кафедрой истории государства и права,
юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор

**А. Я. Вышинский и советская доктрина
международного права.**

Глава 3.

*Внешиполитическая деятельность А.Я. Вышинского
в январе–июне 1941 года*

Опубликовано:

Законодательство.

2024. № 8. С. 87–94. № 9. С. 87–94. № 10. С. 87–94. № 11. С. 87–94. № 12. С. 79–86.

1

Перемены, произошедшие в последние два месяца 1940 года во внутренней и внешней политике ведущих мировых держав: Германии, Великобритании и США, резко усложнили положение СССР. В условиях, когда Германия развернула ускоренную и широкомасштабную подготовку к открытию восточного фронта, Советский Союз уже не мог сохранять нейтралитет. В советских газетах не писали о мировой войне, но часто публиковали сообщения об англо-германской, англо-итальянской, итало-греческой войнах, о боевых действиях на севере Африке и в Китае. Общая картина, которая складывалась из этих сообщений, не оставляла сомнений в том, что международный правопорядок рушился и пожары отдельных европейских войн разворачивались в общую мировую войну.

Между тем отношения СССР с Великобританией и США находились к началу 1941 года в состоянии явного кризиса. Не было заметно предпосылок для возникновения «великого альянса» — необходимого условия для формирования нового международного правопорядка. Британские и американские дипломаты вели себя с советскими дипломатами как с представителями враждебной страны. Первый заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский сполна испытал на себе их заносчивость, нежелание проявить во время переговоров хоть на какую-то уступчивость, без которой невозможно выстраивание нормальных дипломатических отношений.

22 декабря 1940 года лорд Галифакс был снят с должности главы Foreign Office и назначен послом Великобритании в США, а новым министром иностранных дел Великобритании стал Энтони Иден. Эта перемена, казалось бы, должна была положительно сказаться на развитии советско-британских отношений. Сообщая о ней телеграммой от 23 декабря 1940 года в наркомат иностранных дел, посол СССР в Великобритании И.М. Майский выразил надежду, что «с появлением Идена в Форейн-Оффис прекратится, по крайней мере, тот сознательный саботаж улучшения англо-советских отношений, который систематически проводился Галифаксом»¹. «Не подлежит сомнению, — добавил он, — что назначение именно Идена на данный пост приходится рассматривать как “дружественный жест” по нашему адресу. В здешних правительственных и политических кругах существует широко распространенное мнение, что из всех возможных кандидатов на роль министра иностранных дел Иден является наибольшей “Персоной Грата” в Москве. В последние месяцы в этих кругах (равно как и в широких массах) все глубже укоренялось убеждение, что налаживание отношений с СССР является очередной и все более неотложной задачей. Вместе с тем было совершенно ясно, что, пока Галифакс остается во главе Форейн-Оффис, данная задача не разрешима. Сейчас Черчилль убрал из Форейн-Оффис Галифакса и вместо него назначил Идена. Англичане дают этому факту такое толкование: дорога для улучшения англо-советских отношений открыта»².

27 декабря Энтони Иден пригласил к себе в кабинет на беседу советского посла. Сразу после нее И.М. Майский составил отчет с подробным описанием этой беседы, также он кратко изложил ее содержание в телеграмме. Запись беседы была передана только Молотову и Вышинскому. Ее текст опубликован в сборнике документов внешней политики СССР. Телеграмму же Майский адресовал Сталину, Молотову Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Жданову,

¹ Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР об очередных перестановках в британском правительстве. 23 декабря 1940 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2237. Л. 297

² Там же. Л. 297–298. В телеграмме, направленной 29 декабря 1940 г. в наркомат иностранных дел СССР, Майский привел содержание своего разговора с Ллойд Джорджем, в котором опытный британский политик выразил полную уверенность в том, что «Иден искренне стремится к улучшению отношений с СССР и что здесь сейчас открываются известные перспективы» (Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 29 декабря 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940—1 марта 1941. М., 1998. С. 260.

Берии и Вышинскому. Она не была опубликована, но сохранилась в Архиве внешней политики России. Цифры в верхней части первой страницы телеграммы показывают, что она была отправлена в зашифрованном виде в Москву почему-то лишь в 5 часов 25 минут 29 декабря 1940 года, хотя вверху ее текста стояла пометка «немедленно».

Изложение беседы советского посла с новым министром иностранных дел Великобритании в тексте указанной телеграммы и в специальной записи отличалось не только объемом, но и содержанием.

Согласно полной записи, разговор советского посла с британским министром иностранных дел начался с характеристики советско-английских отношений. Иден сказал, что, по его мнению, между Великобританией и Советским Союзом «нет никаких органических противоречий в сфере внешней политики». А значит «все возникающие между ними вопросы можно удовлетворительно разрешить в добрососедском порядке»³. В ответ на это заявление Майский предложил Идену разрешить конфликт между правительствами СССР и Великобритании по поводу пяти прибалтийских пароходов, задержанных в британских портах. Иден ответил, что «ему хотелось бы дать возможность Криппсу урегулировать данное дело в Москве»⁴.

Затем два дипломата обменялись мнениями об общих линиях внешней политики Советского Союза и Великобритании. Иден особенно интересовался отношениями СССР с Германией, Японией, Китаем, Турцией, Балканами, Ближним Востоком. Но Майский заявил, что не имеет поручения от своего правительства информировать Идена по всем этим вопросам и может изложить лишь свою личную точку зрения, а она сводится к следующему: «СССР вел и ведет свою собственную, самостоятельную, ни от кого не зависящую политику, которая остается по-прежнему политикой мира. СССР не хочет быть втянутым в войну и постарается принять необходимые меры для сохранения и в

³ Беседа полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 27 декабря 1940 г. // Там же. С. 238. Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР о беседе с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 27 декабря 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2237. Л. 305.

⁴ Там же. С. 239. Л. 307.

дальнейшем своего нейтралитета. СССР не сочувствует расширению поля войны, в особенности на районы, находящиеся поблизости от его границ»⁵.

Свою подробную запись беседы с Иденом Майский завершил следующим сообщением: «Когда я поднялся, чтобы уходить, Иден стал настойчиво приглашать меня почаще у него бывать и приходить не только по каким-либо конкретным делам, но даже и тогда, когда таких конкретных дел у меня нет. Очень полезно поддерживать контакт и обмениваться мнениями по всем текущим вопросам. Иден также говорил, что в деле улучшения советско-английских отношений он рассчитывает на поддержку Криппса»⁶.

В телеграмме Майский представил этот эпизод немного иначе: «Прощаясь, Иден настойчиво приглашал меня почаще бывать у него, подчеркивая необходимость сотрудничества между нами по вопросу улучшения англо-советских отношений. Он говорил также, что рассчитывает на поддержку Криппса»⁷. Кроме того, Майский счел необходимым в телеграмме добавить к этому сообщению вывод, о котором умолчал в полной записи беседы с британским министром иностранных дел: «Субъективно Иден хотел бы улучшения отношений, но в какой мере он окажется в состоянии реализовать это свое намерение на деле, пока еще трудно сказать, ибо ему придется преодолевать сильное сопротивление антисоветских элементов в Англии (в частности, в аппарате Форейн-Оффиса), а также считаться с настроениями в США»⁸.

Потребность Великобритании в поставках вооружения из США в ходе войны только возрастала и вполне закономерным было усиление зависимости британского правительства от американского в том числе и в принятии внешнеполитических решений, особенно если они касались Советского Союза. Поэтому назначение Энтони Идена новым министром иностранных дел Великобритании мало что изменило в англо-советских отношениях. Британское правительство по-прежнему отказывалось предпринимать меры,

⁵ Беседа полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 27 декабря 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 239.

⁶ Там же. С. 240.

⁷ Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР от 27 декабря 1940 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 325. Д. 2237. Л. 310.

⁸ Там же.

необходимые для разрешения противоречий и конфликтных ситуаций с правительством Советского Союза.

28 декабря 1940 года Вышинский получил короткое письмо Криппса. Посол Великобритании сожалел о том, что их многократные устные беседы привели к недопониманию и что возникло расхождение в сделанных ими записях этих бесед. В итоге Криппс, признав наличие разногласий с Вышинским, заявил о **бесполезности дальнейших споров**. 29 декабря первый заместитель наркома иностранных дел СССР сообщил об этом письме британского представителя послу СССР в Великобритании И.М. Майскому⁹. Англо-советские отношения оказались в тупике.

Но еще сложнее были в рассматриваемое время взаимоотношения Советского Союза и США. Некоторое представление об этом дают хранящиеся в архиве Службы внешней разведки РФ показания графа Александра Сергеевича Нелидова, бывшего офицера царской армии и белогвардейской «Добровольческой армии», служившего в разное время в разведывательных органах Германии, Великобритании и США. В августе 1940 года его арестовали при попытке проникновения в Латвию и доставили в Москву. На одном из допросов в разведывательном управлении НКВД СССР в ноябре 1940 года Нелидов дал показания об установках, которым следовала в то время разведка США. По его словам, резидент военной разведки США в Латвии Д. Паркер лично говорил ему, что американским представителям в Европе поступило из Вашингтона поручение искать возможности для прекращения войны между Германией и Великобританией и, в частности, Вашингтоном были «даны распоряжения нажать в Берлине, Риме и Лондоне, чтобы склонить воюющих к компромиссу»¹⁰. При этом американским дипломатам и разведчикам ставилась задача делать все, чтобы «испортить советско-германские отношения»¹¹. По свидетельству Нелидова, Паркер заявлял, что «не верит в хорошие советско-

⁹ Телеграмма первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского полномочному представителю СССР в Великобритании И.М. Майскому. 29 декабря 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 259.

¹⁰ Из агентурного сообщения "Американская разведка в Риге" об оценке резидентом американской военной разведки в Латвии Д. Паркером опасности, исходящей от СССР // Архив Службы внешней разведки РФ. Л. 9. Скан этого документа размещен в Интернете. См.: <https://www.prilib.ru/item/1323054?ysclid=lx521pe861282397695> (Дата обращения – 06.07.2024).

¹¹ Там же. Л. 10.

германские отношения, несомненно, [в них] где-то есть трещины, и если бы удалось найти такую трещину, то ее было [бы] нетрудно использовать»¹².

Однажды в разговоре с Паркером Нелидов обратил его внимание на то, что «американцы, ведя подготовку к саботажным актам, направленным против Германии, вместе с тем затягивают начало этой акции»¹³. Резидент американской разведки в ответ сказал Нелидову: «Вы должны понять всю серьезность и трудность нашего положения. Мы не хотим, чтобы Германия раздавила Британию, но вместе с тем мы не можем допустить, чтобы Германия вышла из этой борьбы совершенно обессиленной. Эти вести (война в Финляндии, майский парад, оккупация Прибалтики) показали, что Советы в тиши подготовили очень сильную армию, а главное, что вся страна поставлена прочно на рельсы дальнейшего усиления этой мощи. Советы делаются опасными, располагая такой сильной армией. В случае, если Германия потеряет свою мощь, то вся Европа станет легкой добычей Советов. Вот почему мы колеблемся, вот почему мы все время изыскиваем средства склонить воюющих к компромиссу. Поражение Британии, естественно, нежелательно для Америки, но поражение Германии — это уже полная катастрофа для Европы, тогда она будет немедленно советизирована. Это еще менее желательно для Америки»¹⁴ (выделено мной. — В.Т.).

Данная внешнеполитическая установка звучала в речах президента США и проявлялась в действиях американского государства. Стремясь не допустить поражения Великобритании и в то же время сохранить Германию в качестве силы, противодействующей Советскому Союзу, правительство США одновременно ставило своей целью ослабление этих европейских держав.

5 ноября 1940 года президентом США в третий раз был избран Франклин Рузвельт. 29 декабря того же года по радио прошла его очередная беседа у камина (fireside chat), которая на этот раз была посвящена национальной безопасности США. На следующий день краткий пересказ этого выступления Рузвельта на русском языке ответственный руководитель ТАСС Я.С. Хавинсон представил наркому иностранных дел В.М. Молотову с просьбой разрешить его публикацию¹⁵. Разрешение было дано, и в последний день 1940 года данный текст появился в газете «Правда».

¹² Там же.

¹³ Там же. Л. 21.

¹⁴ Там же. 21–22.

¹⁵ Речь Рузвельта от 29 декабря 1940 г. // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 910. Л. 149–151.

Проявленный в Москве интерес к этой речи президента США был не случайным. Рузвельт размышлял о катастрофических переменах в мировом правопорядке в последнее время и о том, как, с его точки зрения, на них должно реагировать американское правительство. В сообщении «Правды» говорилось: «Вчера с речью по радио выступил Рузвельт. В своей речи он заявил: “Америка никогда не находилась в такой опасности, как в настоящее время. Подписанный 27 сентября в Берлине пакт трех держав представляет собой угрозу для США”»¹⁶.

Президент США в данном случае имел в виду так называемый Тройственный пакт (Dreimächtepakt), заключенный между Германией, Италией и Японией. Дословно Рузвельт сказал следующее: «Никогда еще, со времен Джеймстауна и Плимут-Рока¹⁷, наша американская цивилизация не была в такой опасности, как сейчас. Ибо 27 сентября 1940 года в соответствии с соглашением, подписанным в Берлине, три могущественные державы, две в Европе и одна в Азии, сообща угрожают, что в случае воспрепятствования Соединенными Штатами Америки экспансионистскому курсу этих трех стран — курсу, направленному на установление мирового господства, — они объединятся в решительных действиях против Соединенных Штатов»¹⁸.

В рассматриваемой речи были сформулированы два важных вывода.

Во-первых, Рузвельт констатировал коренные перемены во внутренней политике: «Мы должны вступить в новую и ужасную эру, в которой весь мир, включая наше полушарие, будет находиться под угрозой применения грубой

¹⁶ Там же. Л. 149. Речь Рузвельта // Правда. 1940. № 362 (8408). 31 декабря. С. 6.

¹⁷ «Со времен Джеймстауна и Плимут-Рока», т.е. со времен основания первых североамериканских колоний. — В.Т.

¹⁸ «Never before since Jamestown and Plymouth Rock has our American civilization been in such danger as now. For, on September 27, 1940, by an agreement signed in Berlin, three powerful nations, two in Europe and one in Asia, joined themselves together in the threat that if the United States of America interfered with or blocked the expansion program of these three nations — a program aimed at world control — they would unite in ultimate action against the United States» (*Roosevelt Fr.D. “There Can Be No Appeasement With Ruthlessness. . . . We Must Be the Great Arsenal of Democracy”*. Fireside Chat on National Security. White House, Washington, D.C. December 29, 1940 // *Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt (1938-1950)*. Vol. 9. 1940. War and aid to democracies. New York, 1941. P. 634).

силы. Чтобы выжить в таком мире, нам придется надолго превратиться в милитаристскую державу, базирующуюся на военной экономике»¹⁹.

Во-вторых, президент США объявил о новом приоритете во внешней политике: «Размышляя о сегодняшнем и завтрашнем дне, я обращаюсь к американскому народу с прямым заявлением о том, что у Соединенных Штатов будет гораздо меньше шансов вступить в войну, если мы сделаем все возможное сейчас, чтобы поддержать страны, защищающиеся от нападения стран Оси, чем если мы смиримся с их поражением, покорно подчинимся победе стран Оси и будем ждать своей очереди, чтобы позднее стать объектом нападения в другой войне»²⁰.

Это заявление фактически означало вступление США в войну против Германии, Италии и Японии на стороне Великобритании, но при этом Рузвельт уточнял: «Нет необходимости отправлять американские экспедиционные силы за пределы наших собственных границ. Ни у кого из членов вашего правительства нет намерения отправлять такие силы. Поэтому вы можете пресекать любые разговоры об отправке армий в Европу как заведомую ложь. Наша национальная политика не направлена на войну. Ее единственная цель — уберечь от войны нашу страну и наш народ»²¹.

В ежегодном президентском послании к Конгрессу, оглашенном 6 января 1941 года, Франклин Рузвельт призывал американцев стать выше партийной принадлежности и озаботиться упрочением «всеобъемлющей национальной обороны (all-inclusive national defense)». При этом заявлял о готовности США «оказывать всестороннюю поддержку всем тем решительным народам во всем

¹⁹ «We should enter upon a new and terrible era in which the whole world, our hemisphere included, would be run by threats of brute force. To survive in such a world, we would have to convert ourselves permanently into a militaristic power on the basis of war economy» (Ibid. P. 635–636).

²⁰ «Thinking in terms of today and tomorrow, I make the direct statement to the American people that there is far less chance of the United States getting into war, if we do all we can now to support the nations defending themselves against attack by the Axis than if we acquiesce in their defeat, submit tamely to an Axis victory, and wait our turn to be the object of attack in another war later on» (Ibid. P. 640).

²¹ «There is no demand for sending an American Expeditionary Force outside our own borders. There is no intention by any member of your Government to send such a force. You can, therefore, nail any talk about sending armies to Europe as deliberate untruth. Our national policy is not directed toward war. Its sole purpose is to keep war away from our country and our people» (Ibidem).

мире, которые противостоят агрессии» и не позволяют войне перекинуться на американский континент²².

20 января 1941 г. состоялась третья по счету инаугурация Франклина Рузвельта на пост президента США. В своей речи в связи с этим событием он заявил: «Во времена Линкольна задачей народа было уберечь нацию от разрушения изнутри. В наши дни задача народа — спасти нацию и ее институты от разрушения извне»²³.

Таким образом, в начале 1941 г. в Вашингтоне был окончательно сформирован внешнеполитический курс на ближайшую перспективу. Американское правительство намеревалось вести борьбу с Германией и ее союзниками Италией и Японией, но без участия армии США в боевых действиях. Американская пропаганда, обосновывая эту политику, призывала свой народ отстаивать демократию, защищая ее от германского «нового мирового порядка», при котором правление базируется не на согласии управляемых, а на подавлении их свободы, превращении людей в рабов.

В сокращенном варианте предновогодней речи Рузвельта, опубликованном 31 декабря 1940 года в газете «Правда», не было приведено его высказывание о нашей стране. Между тем оно не являлось дружественным. «Борьбе демократии против завоевания мира, — говорил американский президент, — в значительной степени способствует и должно способствовать еще больше перевооружение Соединенных Штатов и направление каждой унции и каждой тонны боеприпасов и амуниции, которые мы можем выделить, на помощь защитникам, находящимся на линиях фронта. Для нас это не является менее нейтральным, чем отправлять сталь, руду, нефть и другие военные материалы в Германию каждый день в течение недели для Швеции, России и других стран, расположенных рядом с Германией»²⁴. Рузвельт упрекал

²² *Roosevelt Fr.D.* The Annual Message to the Congress. January 6, 1941 // *Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. Vol. 9. 1940, War-and aid to democracies. New York, 1941. P. 666–667).

²³ «In Lincoln's day the task of the people was to preserve that Nation from disruption from within. In this day the task of the people is to save that Nation and its institutions from disruption from without» (The Third Inaugural Address «In the Face of Great Perils Never Before Encountered, Our Strong Purpose Is to Protect and to Perpetuate the Integrity of Democracy». January 20, 1941 // *Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. Vol. 10. 1941. The call to battle stations. New York, 1950. P. 3).

²⁴ «Democracy's fight against world conquest is being greatly aided, and must be more greatly aided, by the rearmament of the United States and by sending every ounce and every ton of munitions and supplies that we can possibly spare to help the defenders who are in the front lines. It is no more

Советский Союз, хотя и в довольно мягкой форме, за поставку сырьевых материалов в Германию, воевавшую с Великобританией. Вряд ли американский президент не знал, что в обмен на сырье Германия поставляла в нашу страну станки и оборудование, которое нигде больше получить было невозможно, и размещались они на военных заводах. И Рузвельту было известно, что банки США продолжали кредитовать германскую военную промышленность даже после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 года. Рузвельт, естественно, умолчал о недружественных мерах по отношению к СССР со стороны американского правительства.

Американское правительство, как и британское, отказывалось решать конфликт с советским правительством, возникший в связи с вхождением Прибалтийских республик в состав СССР. 26 декабря 1940 года председатель СНК и нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов поднял этот вопрос в беседе с послом США Л.А. Штейнгардтом. Он указал, в частности, что «советскому правительству приходится до сих пор добиваться от американского правительства отмены ряда недружественных или дискриминационных мер в отношении СССР как в экономической, так и политической областях. До сих пор не отменены даже такие решения американского правительства, как “моральное эмбарго”, не имеющее под собой никаких оснований. По совершенно необоснованным мотивам Советскому Союзу наносится ущерб даже в вопросе о судах, где американские власти покровительствуют недружелюбным по отношению к Советскому Союзу действиям²⁵. Подобных вещей со стороны СССР в отношении США нет и не было»²⁶. Штейнгардт заявил в ответ на эти претензии, что вопрос о судах решается в переговорах

unneutral for us to do that than it is for Sweden, Russia and other nations near Germany, to send steel and ore and oil and other war materials into Germany every day in the week» (*Roosevelt Fr.D. “There Can Be No Appeasement With Ruthlessness. P. 641).*

²⁵ Касаясь ситуации с арестованными в США пароходами, которые принадлежали гражданам Литвы, Латвии, Эстонии, Молотов сказал Штейнгардту: «Имеются, например, такие факты, как перемена названия пароходов, перемена флагов, увод пароходов в южноамериканские страны, с которыми у СССР нет дипломатических отношений. Все эти действия предпринимаются самовольно бывшими посланниками и представителями прежних правительств прибалтийских государств, причем все это происходит при покровительстве американских властей» (Беседа народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом США в СССР Л.А. Штейнгардтом. 26 декабря 1940 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 233).

²⁶ Там же. С. 234.

Уэллеса²⁷ с Уманским и попытался уверить Молотова в стремлении США к улучшению отношений с Советским Союзом. По его словам американское правительство «разрешило продажу советского золота в США, выдало разрешение на посещение советскими инженерами авиационных заводов, выдало лицензии на станки, разрешило американским инженерам вернуться для работы в Советский Союз и разрешило еще ряд других вопросов», которые он «в данный момент просто не помнит»²⁸. Молотов возразил на это, сказав американскому послу, что «затронутые им вопросы маловажны» и их нельзя противопоставлять разрешению тех государственных вопросов, которые затрагивают в их беседах.

В конце разговора Штейнгард спросил, желает ли Советский Союз «установить хорошие, дружественные отношения между обеими странами, как это было прежде»²⁹. Молотов дал утвердительный ответ.

В январе 1941 г. наиболее интенсивные переговоры руководители наркомата иностранных дел СССР вели с представителями Германии, и посвящены эти контакты были выработке условий взаимных поставок продукции и разрешению конфликтов в советско-германских отношениях.

7 января Вышинский принял для беседы заведующего восточно-европейским сектором отдела экономической политики МИД Германии К. Шнурре³⁰. На следующий день состоялся разговор Вышинского с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом³¹. 19 января первый заместитель наркома иностранных дел СССР беседовал с советником посольства Германии в СССР В. Типпельскирхом³². Темой для обсуждений во всех случаях были в основном юридические проблемы. Типпельскирх просил, например, оказать содействие в освобождении арестованных в Таллине ряда сотрудников Доверительного общества немецкой национальности, облегчить таможенные формальности при переселении немцев из советской Прибалтики в Германию, ускорить выдачу экзекватур германским консульствам в Ленинграде, Владивостоке и Батуми. Вышинский в свою очередь также выступил с предложениями о

²⁷ Самнер Уэллес являлся в то время заместителем государственного секретаря США Корделла Халла.

²⁸ Беседа народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом США в СССР Л.А. Штейнгардтом. 26 декабря 1940 г. С. 233.

²⁹ Там же. С. 234.

³⁰ Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. С. 283–284.

³¹ Там же. С. 289.

³² Там же. С. 345–346.

быстрейшем решении проблем, возникших при проведении демаркации и редемаркации пограничной линии, обмене ратификационными грамотами по соглашению о пограничных правовых отношениях, по поводу комиссии по культурным ценностям, по вопросу о прибалтийских судах, задержанных в германских портах и в портах, находящихся под контролем Германии.

Любопытно, что все эти переговоры с представителями Германии проходили в условиях, когда германский генеральный штаб усиленно готовился к нападению на Советский Союз. И руководители наркомата иностранных дел СССР хорошо это знали. В Москву регулярно поступали секретные сообщения от разведчиков из Берлина, в которых приводились факты, не оставлявшие сомнений в том, что германские правительственные учреждения ведут подготовку к войне с Советским Союзом.

Так, 29 января 1941 года агент под кодовым названием «Корсиканец» передал: «Военно-хозяйственный отдел имперского статистического управления получил от Верховного командования вооруженными силами распоряжение о составлении карт промышленности СССР по районам. Такие карты были составлены перед войной в отношении Англии в целях ориентировки в выборе объектов для воздушной бомбардировки»³³. «Выступивший недавно на заседании генерального совета статс-секретарь в министерстве продовольствия Баке заявил, что снабжение Германии продуктами питания было бы обеспечено в случае оккупации советской Украины»³⁴.

Дневник начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Франца Гальдера показывает, что с середины января 1941 года вопросы подготовки к осуществлению плана «Барбаросса» рассматривались буквально на каждом совещании у Гитлера. На совещании 16 января было объявлено, что «Россия выставила определенные требования, о которых раньше не было никакого разговора (Финляндия, Балканы, Мариамполь)»³⁵.

Сведения о том, что между Германией и Советским Союзом стал назревать разрыв, заставили британских дипломатов действовать намного более активнее и более открыто, чем прежде. 22 января 1941 года Энтони Иден пригласил к себе на беседу советского посла Майского. По договоренности эта встреча состоялась

³³ Сообщения «Корсиканца». 29 января 1941 г. // Архив СВР РФ. Л. 308. <https://www.prlib.ru/en/node/1323022?mode=full> (Доступ: 08.07.2024)

³⁴ Там же. Л. 310–311.

³⁵ Гальдер Фр. Военный дневник. Т. 2 (1.7.1940–21.6.1941). М., 1969. С. 318.

через неделю – 29 января. Как и прежде они обсуждали проблемы британо-советских отношений и делились мнениями о ситуации, сложившейся в конфликтных регионах. Когда Майский поднялся, чтобы уйти, Иден попросил советского посла передать товарищу Молотову его личную просьбу «как-либо урегулировать вопрос о возможности для Криппса видеться с ним». Ненормально положение, сказал глава британского Foreign Office, «когда посол такой державы, как Великобритания, лишен возможности свободно встречаться и разговаривать с руководителем внешней политики СССР, в особенности ненормально, когда наряду с этим т. Молотов часто принимает послов Германии, Италии и т. д.»³⁶.

И Стаффорд Криппс после нескольких недель паузы опять вступил во внешнеполитическую игру, и снова ему пришлось столкнуться с Вышинским. Но на этот раз ставки в этой игре были намного более высокими, чем раньше, причем, как для Великобритании, так и для Советского Союза.

2

1 февраля 1941 года В.М. Молотов, окликаясь на просьбу министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена, встретился с послом Стаффордом Криппсом. Объясняя свою невозможность принять его раньше, Вячеслав Михайлович сказал, что, как председатель правительства, «он должен уделять внимание вопросам не только внешней, но и многочисленным вопросам внутренней политики страны». Поэтому «во многих случаях, не имея физической возможности и не будучи обязанным принимать послов и разрешать вопросы, возникающие по линии Наркоминдела», «он поручает рассмотрение этих вопросов своим заместителям по Наркоминделу»³⁷. Молотов здесь явно имел в виду Вышинского, поскольку именно Андрей Януарьевич чаще всего встречался с Криппсом.

В ответ британский посол заявил, что вел переговоры с Вышинским «без большого желания на то со своей стороны», поскольку Вышинский отказывался обсуждать политические вопросы, ограничиваясь «редактированием

³⁶ Беседа полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского с министром иностранных дел Великобритании А. Иденом. 29 января 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 373.

³⁷ Беседа народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Великобритании в СССР Р.С. Криппсом. 1 февраля 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. М., 1998. С. 377.

отдельных параграфов меморандума»³⁸. Молотов возразил, что «функции т. Вышинского не ограничены редактированием документа». А на политические вопросы даже сам он, Молотов, «не мог бы сразу дать ответ, не посоветовавшись со своим правительством»³⁹.

Документы, отражающие внешнюю политику СССР в первые четыре месяца 1941 года, показывают резкое увеличение объема деятельности Вышинского на посту первого заместителя наркома иностранных дел по сравнению с предыдущим четырехмесячным периодом. С января по апрель 1941 года он провел до полусотни переговоров с представителями государств, политика которых затрагивала жизненно важные интересы Советского Союза⁴⁰. Содержание этих переговоров, зафиксированное в официальных записях, составившихся сразу после их проведения, отчетливо показывает, что Вышинский действовал не только как политик, отстаивавший интересы Советского государства, но и как профессиональный юрист. Он занимался в основном юридическими аспектами отношений СССР с другими государствами: составлял проекты соглашений, меморандумов, заявлений, оценивал, редактировал, уточнял, согласовывал формулировки документов, предлагавшихся другой стороной. Именно ему приходилось заниматься разрешением конфликтов, возникавших из-за невыполнения иностранными государствами тех или иных соглашений с Советским Союзом, или в связи с арестами иностранных граждан, допускавших во время пребывания на территории нашей страны нарушения ее законов⁴¹, невыполнением иностранными государствами тех или иных соглашений.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Так, с посланником Королевства Югославия М. Гавриловичем Вышинский встречался 11 раз (4 января, 8 февраля, 22 марта, 1, 2, 3, 4, 5, 11, 20 и 28 апреля), с посланником Королевства Румыния в СССР Г. Гафенку — 10 раз (13 и 24 января, 14 и 18 февраля, 19 марта, 5, 8, 15, 19 и 29 апреля), с посланником Финляндской Республики в СССР Ю. К. Паасикиви — 5 раз (14, 21 и 24 января, 12 февраля, 5 апреля), с послом Турецкой Республики в СССР А.Г. Актаем — трижды (20 февраля, 9 и 15 марта), с британским послом Криппсом — 7 раз (24 и 25 февраля, 6, 10 и 22 марта, 10 и 18 апреля), с представителями Германии — 8 раз (7, 8 и 18 января, 28 февраля, 6, 14 и 24 марта, 25 апреля), по одному разу Вышинский беседовал с послом США Л.А. Штейнгардтом (18 февраля) и послом Франции Г. Бержери (29 апреля).

⁴¹ Единственная встреча первого заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского с послом США в СССР Л.А. Штейнгардтом, состоявшаяся 18 февраля 1941 г., была вызвана просьбой американской стороны разрешить проблемы, возникшие вследствие ареста в СССР нескольких граждан США и отказа выдать выездные визы двум советским гражданкам,

7 января 1941 года Вышинский имел беседу с заведующим восточно-европейским сектором Отдела экономической политики МИД Германии Карлом Шнурре⁴². Любопытно, что в тот же день Шнурре встретился и с Молотовым. Сравнение записей этих встреч показывает, что Вышинский обсуждал с германским представителем проект соглашения о переселении немцев из Прибалтики в Германию и решении связанных с этим проблем имущественного характера. В отчете об этой дискуссии Вышинский записал: «Шнурре поставил вопрос о том, что наши делегации требуют включения в соглашение пункта о допустимости обращения взысканий за неуплату частных долгов на движимое имущество, подлежащее вывозу (fahrende Habe). В результате обмена мнений по этому вопросу я предложил включить в соглашение следующий пункт:

“Допускается обращение взысканий по частным долгам и на движимое имущество, подлежащее вывозу (fahrende Habe), в случае отсутствия у переселяющихся какого-либо иного имущества, на которое могло бы быть обращено взыскание.

Обращение взыскания на движимое имущество, подлежащее вывозу (fahrende Habe) по частным долгам, может иметь место лишь при наличии соответствующего судебного решения. Неуплата частных долгов не может служить препятствием для переселения”. Шнурре заявил о своем принципиальном согласии с этим предложением»⁴³.

На встречу в тот же день с Молотовым Карл Шнурре пришел с послем Германии в СССР Шуленбургом. На ней также решались проблемы в советско-германских отношениях, возникшие в результате вхождения прибалтийских стран в состав СССР. Но эти проблемы носили прежде всего финансовый характер и касались порядка и сроков выплаты Советским Союзом компенсации за передававшийся ему Германией «кусочек» Литвы. Этим словом, употребленным в записи состоявшейся беседы, была обозначена территория бывшего Сувалкского уезда Российской империи, а затем Литовской республики. По советско-германскому соглашению, заключенному

которые состояли в законном браке с американскими корреспондентами в Москве. См.: Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 406–407.

⁴² Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 283–284.

⁴³ Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с заведующим восточно-европейским сектором отдела экономической политики МИД Германии К. Шнурре. 7 января 1941 г. // Там же. С. 283.

28 сентября 1939 года⁴⁴, она отходила Германии на том основании, что здесь проживали немало немцев (около 7, 3% населения). Но после того, как Литва вошла в состав СССР, советское руководство обратилось к германскому правительству с просьбой пересмотреть статус данной территории. 13 июля 1940 года в беседе с послом Шуленбургом Молотов сказал, что он и Сталин «просят германское правительство обсудить, не может ли оно найти возможность отказаться от этого небольшого куса территории Литвы»⁴⁵. В декабре 1940 года, сразу после утверждения Гитлером плана военного нападения на СССР, германское правительство объявило, что согласно уступить Советскому Союзу эту территорию. На встрече Молотова с послом Шуленбургом и сотрудником МИД Германии Шнурре, состоявшейся 6 января 1941 года, был согласован вопрос о компенсации за эту уступку в размере 31 миллиона 500 тысяч германских марок. А 7 января обсуждались вопросы порядка и сроков выплаты Советским Союзом этой суммы⁴⁶. Очевидно, что Молотов действовал в данном случае не как нарком иностранных дел, а как председатель советского правительства.

10 января 1941 года состоялось подписание сторонами соответствующих соглашений. «Договор между Союзом ССР и Германией о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря» подписал «по уполномочию Правительства Союза ССР» В. Молотов⁴⁷. «Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией об урегулировании взаимных имущественных претензий, относящихся к Литве, Латвии и Эстонии» подписал «по уполномочию Правительства Союза ССР» А. Вышинский⁴⁸.

Данный факт предельно ясно показывает распределение полномочий между двумя руководителями внешнеполитического ведомства СССР.

Между тем упомянутые соглашения были не единственными, заключенными советским правительством с правительством Германии 10

⁴⁴ См.: Секретный дополнительный протокол [28 сентября 1939 г.] // Документы внешней политики. 1939. — Т. 22: В 2 кн. Кн. 2: Сентябрь — декабрь. М., 1992. С. 136.

⁴⁵ Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23: В 2 кн. — Кн. 1. Январь — октябрь 1940. М., 1995. С. 434.

⁴⁶ См.: Беседа народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом и заведующим восточно-европейским сектором отдела экономической политики МИД Германии К. Шнурре. 7 января 1941 г. // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. С. 284–287.

⁴⁷ Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. С. 302–303.

⁴⁸ Там же. С. 303–306.

января 1941 года. В этот день было подписано еще и «Соглашение о взаимных товарных поставках» на период с 11 февраля 1941 года до 1 августа 1942 года⁴⁹. Со стороны СССР его заверил своей подписью «по уполномочию» правительства СССР нарком внешней торговли А.И. Микоян, а со стороны Германии К. Шнурре. Советское правительство обязывалось поставить в Германию в основном продовольствие и сырьевые продукты на общую сумму 620–640 миллионов марок, а Германия в Советский Союз — на такую же сумму в основном редкие металлы, станки, производственные машины, турбины и генераторы, электродвигатели, трубы, насосы и другое оборудование для промышленных предприятий, а также дизели, вооружение и т.д.

Казалось бы, очень выгодное для нашей страны экономическое соглашение, но сроки поставки эту выгоду нивелировали. Советский Союз должен был начать поставки с 11 февраля 1941 года и за три месяца передать Германии продукцию на сумму в 115 миллионов марок, а с 11 мая до 11 августа того же года еще на 170 миллионов. Германия же обязывалась начать поставки лишь с 11 мая и поставить к 11 августа 1941 года товаров на сумму в 117 миллионов марок.

К этому надо добавить, что 10 января были окончательно согласованы порядок и сроки выплаты Советским Союзом компенсации за территорию бывшего Сувалкского уезда Литвы. Карл Шнурре сообщил в этот день письмом наркому Микояну, что на основании секретного протокола, подписанного председателем СНК СССР Молотовым и германским послом в Советском Союзе графом фон-дер Шуленбургом правительство СССР готово выплатить установленную этим протоколом сумму в 31 миллион 500 тысяч германских марок в течение ближайших трех месяцев⁵⁰. Одну восьмую часть вышеозначенной суммы — «поставками меди и никеля». Остальные семь восьмых — «золотом, путем вычета этой суммы из германских платежей золотом, имеющих быть произведенными до 11 февраля 1941 года»⁵¹.

Запись переговоров Молотова с Шуленбургом и Шнурре, проходивших 7 января 1941 года, показывает, что глава советского правительства категорично настаивал на том, чтобы срок выплаты компенсации — довольно весомой, если учесть небольшой размер территории, переходившей к Советскому

⁴⁹ См.: там же. С. 292–294.

⁵⁰ Там же. С. 295.

⁵¹ Там же.

государству, — был растянут на полтора года⁵². Однако согласованный вариант сроков выплат оказался все же таким, который был выгоден лишь Германии.

Трудно объяснить, почему советское правительство в конечном итоге согласилось на резкое сокращение сроков выплаты компенсации за передачу Германией в состав Советского Союза территории бывшего Сувалкского уезда Литвы, но просчетом было в данном случае заключение самой этой сделки. Германия находилась в состоянии войны с Великобританией, исход которой был неясен. И потому все принадлежавшие Германскому государству территории имели неопределенный статус. В случае поражения Германии многие ее территории вполне могли быть отняты у нее, особенно вновь приобретенные, к которым как раз и относился «кусочек» Литвы. А такой исход германо-британской войны был вполне возможен. Ведь Германия ввязалась в вооруженное противостояние с державой, которая являлась не только европейским государством, но также политическим и экономическим центром обширной колониальной империи. На стороне Великобритании находились Соединенные Штаты Америки, представлявшие собой не менее сильную промышленную державу, чем Германия. Правящий слой США стремился получить от европейской войны как можно больше прибыли посредством кредитования воюющих стран, поставок в Европу вооружений и другой промышленной и сельскохозяйственной продукции, поэтому воздерживался от прямого участия в войне посредством своей армии. Но очевидно, что США не могли допустить разгрома Великобритании, поскольку это приводило к значительному усилению Германии, которая превращалась бы в этом случае в мировую державу, способную в союзе с Японией сокрушить США.

Как бы то ни было, уступки правительству Германии, на которые правительство СССР пошло в январе 1941 года, были весьма странными. Их оправдывало лишь одно: в условиях, когда рушился мировой правопорядок, и война становилась единственным способом разрешить противоречия и просто конфликты между государствами, Советская держава оказывалось в одиночестве, причем в весьма опасном. Руководители США и Великобритании

⁵² В этой записи было, в частности, зафиксировано: «Советское правительство никак не может согласиться со сроком уплаты компенсации. Этот срок чрезмерно ускоряет вопрос. Тов. Молотов говорит, что советское правительство, идя навстречу германскому правительству, предлагает установить срок уплаты компенсации полтора года. В 1941 году будет уплачена половина компенсации и в первом полугодии 1942 года, до 1 июля, — вторая половина. Тов. Молотов заявляет, что это окончательное предложение по вопросу о сроке» (Там же. С. 285).

не особо скрывали свое стремление вовлечь СССР в какую-нибудь войну — пусть и со значительно более слабым противником, а Гитлер в беседе с Молотовым в ноябре 1940 года пытался убедить советское руководство начать экспансию на юг, где наша страна неминуемо столкнулась бы в военном конфликте с Турцией.

Усиление России, выступавшей в форме Советского государства, как в экономическом, так и военном отношениях, возвращение в ее состав прибалтийских территорий, Западной Украины и Западной Белоруссии пугало правящий слой остальных крупных держав и порождало стремление любыми способами предотвратить появление на Востоке геополитического монстра.

В этих условиях внешнеполитическая деятельность Советского государства неизбежно должна была приобрести предельно осторожный характер, предполагавший сохранение нейтралитета в условиях европейской войны, перераставшей в бойню мирового характера. Впрочем, ни Германия, ни Великобритания серьезных предложений Советскому Союзу о создании совместных военно-политических альянсов не выдвигали, а лишь вели дипломатическую игру, предлагая советскому руководству мифические проекты таких альянсов с явной целью втянуть СССР в войну.

Проявлением такой дипломатической игры со стороны Германии было высказанное Риббентропом Молотову во время их переговоров в берлинском бомбоубежище 13 ноября 1940 года мнение о возможности присоединения СССР к пакту трех держав: Германии, Италии и Японии. При публикации в сборниках документов данное мнение почему-то называется «предложением»⁵³, но сам Риббентроп, когда высказывал его, употребил термин «сырые мысли»⁵⁴. Он зачитал их по бумаге, но Молотову письменный текст «сырых мыслей» не передал.

⁵³ См., например: Предложение г-на Риббентропа от 13 ноября сего года о Пакте четырех держав, переданное В.М. Молотову в Берлине // Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 — 1 марта 1941. С. 79.

⁵⁴ В записи данной беседы, сделанной сразу после ее завершения переводчиком при Молотове В.Н. Павловым, было зафиксировано, что Риббентроп, начиная разговор, сообщил о своем желании «изложить “сырые мысли”, как он их себе представляет, т.е. мысли, которые, может быть, в будущем могли бы быть реализованы. Эти мысли заключаются в сотрудничестве между государствами — участниками пакта трех и СССР. Риббентроп думает, что сначала надо найти путь, чтобы совместно в широких чертах установить сферы интересов четырех государств, и затем особо договориться о проблеме Турции» (Там же. С. 72).

Советское руководство сочло целесообразным выразить свое отношение к озвученному Риббентропом мнению о возможности присоединения СССР к союзу Германии, Италии и Японии, но сделало это в довольно осторожной, завуалированной форме. На встрече с послом Германии Шуленбургом 25 ноября 1940 года Молотов передал ему текст условий, при которых СССР согласился бы «принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», изложенный Риббентропом 13 ноября 1940 года. Условия оказались явно не приемлемыми для Германии⁵⁵, но на это и был расчет. Советское руководство отказалось присоединиться к союзу трех фашистских государств, не выразив свою позицию в прямой форме.

Дипломатической игрой со стороны британского правительства был проект соглашения между Великобританией и СССР, представленный 22 октября 1940 года Стаффордом Криппсом советскому руководству. Он также имел своей целью побудить СССР отказаться от нейтралитета и открыто поддержать Великобританию в войне с Германией своими политическими действиями и материальными ресурсами. При этом Советское государство ничего взамен не приобретало⁵⁶.

Ответить на это предложение было поручено Вышинскому, через которого собственно текст этого документа и был передан Молотову и Сталину. 11 ноября Андрей Януарьевич сообщил британскому послу, что ответа со стороны советского правительства на предложения от 22 октября еще нет, но он готов высказать свою **личную** точку зрения на них. Криппс согласился и услышал, что лично Вышинский не понимает, чего хочет Англия. Это означало, что советское правительство отвергло предложения заключить некий политический договор, ставящий Советский Союз на сторону Великобритании.

⁵⁵ Советское руководство предлагало правительству Германии вывести свои войска из Финляндии, оставив эту страну в советской сфере влияния, обеспечить безопасность советского судоходства в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, т.е. передачей этой страны в советскую зону интересов, принудить Японию отказаться от концессионных прав на добычу угля и нефти на Северном Сахалине и т.д. См.: Там же. С. 136–137.

⁵⁶ Подробнее об этом документе см. в статье: *Томсинов В.А.* Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954), государственный деятель и правовед. Статья 83. А.Я. Вышинский и советская доктрина международного права. Продолжение // Законодательство. 2024. № 6. С. 87–94.

Стаффорд Криппс не успокоился и в течение ноября и декабря 1940 года продолжал требовать от советского правительства ответа на британские предложения от 22 октября. Он поднял этот вопрос и в самом начале своей встречи с Молотовым 1 февраля 1941 года, заявив председателю советского правительства, что пришел обсудить лично с ним «вопросы, которые британское правительство считало весьма важными и о которых оно заявило в меморандуме от 22 октября»⁵⁷. Молотову ничего не оставалось, кроме как говорить откровенно, и он заявил послу Великобритании: «Высказанная т. Вышинским 11 ноября личная точка зрения о том, что предложения, содержащиеся в британском меморандуме, не могут служить базой для урегулирования советско-английских отношений, была одобрена советским правительством». Молотов отверг предложение Криппса выработать сначала условия улучшения отношений в какой-то общей форме, пояснив, что «это ни к чему хорошему не приведет, так как английское правительство не хочет считаться с интересами Советского Союза и нагромождает все больше недружественных актов в отношении СССР»⁵⁸.

Эти факты показывают, каким неустойчивым было в то время положение СССР во взаимоотношениях с другими державами. И как сложно было Советскому государству вести самостоятельную внешнюю политику, чтобы выжить в условиях разворачивавшейся мировой войны и не оказаться жертвой держав-хищников, к которым относились не только фашистские Германия и Япония, но и вполне «демократические» Великобритания и США.

* * *

Сведения, которые в первые месяцы 1941 года поступали в Москву из Берлина от сотрудников разведки и по другим неофициальным каналам, не оставляли сомнений в том, что изданная Гитлером 18 декабря 1940 года строго секретная директива № 21 (Weisung Nr. 21. Fall Barbarossa), предписывавшая подготовить германские вооруженные силы для разгрома Советской России «еще до того, как будет закончена война против Англии»⁵⁹, начала последовательно исполняться во всех своих деталях.

⁵⁷ Документы внешней политики СССР. Том 23. Кн. 2: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. С. 377.

⁵⁸ Там же. С. 378.

⁵⁹ При публикации текста этого документа на русском языке он часто называется «Директивой Верховного командования вооруженными силами Германии». См., например: 1941 год. В 2-х книгах. Кн. 1. М., 1998. С. 452. Оригинальный же текст данной директивы показывает, что ее издал «фюрер и верховный главнокомандующий вермахта (der Führer und

Согласно агентурным данным, уже в декабре 1940 года из Франции и Бельгии на территорию Польши к границе с Советским Союзом стали перемещаться крупные немецкие войсковые соединения, оснащенные всеми видами оружия⁶⁰. В последующие месяцы такие сообщения поступали в Москву регулярно. Как и предполагалось планом «Барбаросса», к середине мая 1941 года у границ СССР было сосредоточено достаточное для вторжения количество немецких войск — более 100 дивизий, более трех миллионов солдат. К этому времени на территории Польши, оккупированной Германией, было построено более 100 аэродромов и создана необходимая для ведения войны инфраструктура.

Одновременно с декабря 1940 года развернулась интенсивная идеологическая подготовка солдат и командиров германского вермахта к войне на востоке. И об этом также шли агентурные донесения в Москву. Так, в начале января 1941 года сюда было направлено из Берлина сообщение о том, что Гитлер, выступая 18 декабря 1940 года в Спортпаласе по поводу выпуска 5 000 германских офицеров, заявил о «несправедливости, существующей на свете, когда 60 млн. великороссов владеют 1/6 частью земного шара, а около 90 млн. немцев ютятся на куске земли» и призвал молодых офицеров «к устранению этой несправедливости»⁶¹.

Oberste Befehlshaber der Wehrmacht)» для командования германских вооруженных сил. Первое предписание директивы гласило: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разгромить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии (Die deutsche Wehrmacht muss darauf vorbereitet sein, auch vor Beengung des Krieges Gegen England Sowjetrussland in einem schnellen Feldzug niederzuwerfen)». Гитлер также сообщал в директиве № 21, что приказ о «стратегическом развертывании вооруженных сил против Советской России» он отдаст «в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций» и приказывал приступить к осуществлению приготовлений к вторжению в нашу страну, требующих более продолжительного времени, немедленно и завершить их к 15 мая 1941 г.

⁶⁰ Справка 5 отдела ГУГБ НКВД о перемещении немецких войск к советской границе. 5 января 1941 г. // 1941 год. Кн. 1. С. 508–509. Из разведывательной сводки № 2 Управления погранвойск НКВД УССР о дислокации войск и военных мероприятиях Германии в погранполосе с СССР по состоянию на 14 января 1941 г. 16 января 1941 г. // Там же. С. 541–542.

⁶¹ Агентурное сообщение из Берлина «товарищу Виктору» об агрессивных планах Гитлера в отношении СССР. [после 1 января 1941 г.] // Там же. С. 504. «Выступление Гитлера имеет исключительное политическое значение. Поэтому принимаем все меры к проверке», — говорилось в этом донесении.

В примечании к этому сообщению было сказано: «Выступление Гитлера имеет исключительное политическое значение. Поэтому принимаем все меры к проверке». Сборник опубликованных речей Гитлера показывает, что он действительно выступал 18 декабря 1940 года в аудитории, состоявшей из пяти тысяч будущих офицеров сухопутной армии, военно-воздушных сил и юнкеров *Waffen-SS*, с такой речью (*Rede vor Offiziersanwärtern im Berliner Sportpalast am 18 Dezember 1940*). И утверждал в ней, что немецкий народ нуждается в расширении жизненного пространства (*Lebensraum*)⁶², Правда, количество немцев, живущих в Германии на территории 600 000 квадратных километров, Гитлер определил цифрой в 85 миллионов человек, но о великороссах он действительно говорил, что их 60 миллионов, добавляя при этом для усиления пропагандистского эффекта, что занимают они территорию размером 19 миллионов квадратных километров.

О расширении жизненного пространства для немцев за счет России военным путем Гитлер писал еще в своем программном опусе под названием «*Mein Kampf*», но в речи, произнесенной 18 декабря 1940 года он не просто повторил главный свой политический лозунг, но призвал к немедленному практическому его воплощению.

Подготовка фашистской Германии к вооруженному нападению на СССР совершалась открыто. Германское руководство и не пыталось скрыть передвижение огромной массы войск к границам Советского государства. Официально оно объясняло эти действия подготовкой вторжения в Великобританию и соответственно стремлением обмануть британское правительство, но это объяснение было больше похоже на издевательскую насмешку над советским руководством. Поверить в него могли только простые обыватели, но не люди, облеченные властью. Они понимали, что для захвата британских островов у Германии не было необходимых для этого сил и средств. С другой стороны, германские войска, передислоцированные с запада на восток, снабжались всем необходимым для вторжения именно в нашу страну. Поэтому офицеры получали карты западных районов СССР, немецко-русские и русско-немецкие словари, а в штатах войсковых подразделений появлялись должности переводчиков — знатоков русского языка.

⁶² *Hitler A. Rede vor Offiziersanwärtern im Berliner Sportpalast am 18 Dezember 1940 // Hitler. Reden und Proklamationen. 1932–1945. Teil II. Untergang. Bd. 3. 1939–1940. Leonberg, 1987. S. 1638.*

В последние десятилетия историки, изучающие политику фашистской Германии накануне ее нападения на Советский Союз, много пишут о развернутой германским руководством кампании дезинформации, оценивая ее как успешную, позволившую обмануть Сталина. Такая кампания действительно осуществлялась. И об этом сохранилось множество документальных свидетельств. Но все же нельзя не признать, что подготовка фашистской Германии велась настолько открыто и даже демонстративно, что и самая эффективная пропагандистская кампания не могла ее скрыть и обмануть советское руководство. Парадокс заключается в том, что пропагандистская кампания по завуалированию подготовки нападения на СССР, которая велась фашистской Германией и, в частности, имперским министерством народного просвещения и пропаганды, возглавлявшимся Йозефом Геббельсом, была настолько примитивной, что напрашивается мысль о том, что сокрытие этого плана не было подлинной ее целью.

В действительности фашистской Германии не было большого смысла скрывать план нападения на Советский Союз, утвержденный 18 декабря 1940 года. За полгода советское руководство не могло подготовить армию к успешному отражению военного удара со стороны отобилизованного имевшего опыт двухлетней войны германского вермахта. Для этого необходимо было каким-то способом выиграть время — оттянуть на год или лучше на два военное вторжение Германии в СССР.

Между тем для других государств — Великобритании, США, Турции, Японии — военное нападение Германии на Советский Союз было вполне желательным. Неизбежным его результатом было истощение сил двух ведущих мировых держав, что уже само по себе создавало массу возможностей для остальных держав. Поражение же одной из сторон автоматически превращало ее в добычу, раздел которой сулил его участникам дополнительные выгоды. Особенно выгодным для всех названных держав мог стать раздел Советского Союза с его огромными природными ресурсами.

Открытой демонстрацией подготовки к военному нападению на СССР фашистская Германия как бы приглашала все остальные крупные державы принять участие в этой грандиозной военно-экономической операции, имевшей целью уничтожение Русской цивилизации и разграбление нашей страны.

И этот призыв не оставался без ответа. С апреля 1941 года одновременно с увеличившимся потоком сведений об активной и ускоренной подготовке Германии к войне с Советским Союзом советскому руководству стала поступать информация о планах Гитлера заключить перемирие и договориться с влиятельными группировками в правящем слое Великобритании, если не о поддержке германского военного удара по СССР, то о фактическом нейтралитете этой страны по отношению к советско-германской войне. И самое главное, данная идея не отвергалась в британском правящем слое. О том, как использовать эту ситуацию в интересах Великобритании думал даже премьер-министр Черчилль.

В архиве британского внешнеполитического ведомства сохранились отчеты Стаффорда Криппса о беседах с Вышинским. В одном из них британский посол привел слова, сказанные им в ноябре 1940 года в кабинете первого заместителя наркома СССР. Оказывается, Криппс говорил тогда, что при затягивании войны на длительный период не исключает ситуации, когда у Великобритании (особенно в определенных кругах) «может возникнуть искушение прийти к какому-либо соглашению о прекращении войны», причем на условиях самой Германии, желающей в обмен на возвращение захваченных ею стран Западной Европы к прежнему статусу, получить полную свободу действий для расширения ее «жизненного пространства» на восток. Такое предложение, отмечал британский посол, могло бы также получить поддержку и в Соединенных Штатах Америки. «В этой связи следует помнить, — выговаривал Криппс Вышинскому, — что сохранение целостности Советского Союза не является прямым интересом британского правительства, в отличие от сохранения целостности Франции и некоторых других западноевропейских стран»⁶³.

⁶³ «It was not outside the bounds of possibility, if the war were protracted for a long period, that there might be a temptation for Great Britain (and especially for certain circles in Great Britain) to come to some arrangement to end the war on the sort of basis which has again recently been suggested in certain German quarters, that is, that Western Europe should be returned to its former status, while Germany should be unhampered in the expansion of her "living space" to the east. Such a suggestion might also receive a response in the United States of America. In this connexion it must be remembered that the maintenance of the integrity of the Soviet Union is not a direct interest of the British Government as is the maintenance of the integrity of France and some other Western European countries» (Цит. по: *Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 1. London, 1970. P. 607–608*).

3

В апреле 1941 года подготовка фашистской Германии к нападению на СССР вступила в завершающую стадию. Перемещение немецких войск в Польшу происходило намного активнее, чем прежде, вражеские вооруженные силы сосредотачивались у границ нашей страны уже без особой маскировки⁶⁴. Одновременно Гитлер начал формировать блок государств, которые могли бы послать на восток свои армии вместе с немецким вермахтом. Правители Италии, Финляндии, Румынии, Венгрии и Словакии получили недвусмысленные заверения в том, что германские вооруженные силы скоро будут готовы начать войну против России.

11 апреля 1941 года посол Югославии в СССР М. Гаврилович сообщил Вышинскому, что в распоряжении его миссии «имеются сведения о заявлении генерала Антонеску о том, что в ближайшее время на СССР будет совершено нападение немцами. Имеются также сведения о том, что аналогичное заявление сделал и венгерский регент Хорти»⁶⁵. Андрей Януарьевич сказал в ответ, что не особенно доверяет этим сведениям, но в отчете об этой беседе, который он переслал Сталину и Молотову, довольно подробно воспроизвел данное сообщение югославского посла.

⁶⁴ Так, в одной из поступавших в Кремль многочисленных разведывательных сводок конца апреля 1941 г. сообщалось: «В течение всего марта и апреля с западного фронта и из центральных районов Германии немецким командованием производилась усиленная переброска войск в пограничную полосу с СССР. Подвозились: полевые войска (пехотные и мотодивизии); танковые части; артиллерия усиления; саперные и строительные части; войска связи; огнеприпасы и горючее... В результате анализа всех поступивших данных общее усиление восточногерманского фронта против СССР (Восточная Пруссия и Генерал-губернаторство) за февраль, март и двадцать дней апреля составляет тринадцать-семнадцать пехотных дивизий, три-четыре танковые дивизии и две мотодивизии» (Из разведывательной сводки № 4 (по Западу) 1941 г. Разведуправления ГШ РККА // Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. М., 2008. С. 607–608).

⁶⁵ Беседа первого заместителя народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с посланником Королевства Югославия в СССР М. Гавриловичем. 11 апреля 1941 г. // Документы внешней политики. Том 23. Кн. 2. 2 марта 1941 – 22 июня 1941. М., 1998. С. 551. Из дневника начальника германского генерального штаба сухопутных войск Ф. Гальдера следует, что об участии в походе на Россию Румынии и Венгрии Гитлер говорил еще на совещании 30 марта 1941 г., призывая при этом не питать по отношению к финнам и румынам никаких иллюзий относительно их военного потенциала. 4 мая 1941 г. Ф. Гальдер отметил в дневнике: «Из различных источников стало известно, что фюрер лично намекнул Хорти и Антонеску о своих замыслах, которые эти господа истолковали как намерения напасть на Россию» (Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2 (1.7 1940 – 21.6 1941). М., 1969. С. 501).

В агентурных сведениях, переданных из Берлина в Москву в конце апреля 1941 года, обращалось особое внимание на возросшую «активность и сотрудничество между германским и финским генеральными штабами», выразившуюся «в совместной разработке оперативных планов против СССР». Эти планы предполагали, в частности, что «финско-немецкие части перережут Карелию с тем, чтобы сохранить за собою никелевые рудники Патсамо, которым придается большое значение»⁶⁶. Далее советские агенты сообщали, что «румынский, венгерский и болгарские штабы обратились к немцам с просьбой о срочной доставке противотанковой и зенитной артиллерии, необходимой в случае войны с Советским Союзом»⁶⁷.

Подготовка Германии к военному походу на восток осуществлялась и по дипломатической линии. Отраженный в плане Барбаросса замысел верховного командования вермахтом «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии», предполагал войну на два фронта, т.е. повторение ситуации, приведшей Германию к поражению в Первой мировой войне. Чтобы не рисковать, германское руководство должно было договориться с британским правительством о нейтралитете Великобритании по отношению к Германии в случае вторжения немецких войск в СССР. И германские власти принимали все возможные в тех обстоятельствах меры для достижения данной цели.

С конца декабря 1940 года руководители фашистской Германии стали внушать своим союзникам мнение о том, что победа Германии в войне с Великобританией близка. «Дуче!., – писал Гитлер итальянскому диктатору Муссолини 31 декабря 1940 года – Сама по себе война на Западе выиграна. Необходимо еще приложить последнее серьезное усилие, чтобы сокрушить Англию»⁶⁸. 27 марта 1941 года министр иностранных дел Германии Риббентроп говорил главе внешнеполитического ведомства Японии Мацуоку: «Германия находится в последней стадии своей борьбы против Англии. В течение минувшей зимы фюрер сделал все необходимые приготовления, так что сейчас

⁶⁶ Агентурное сообщение из Берлина о планах нападения Германии на СССР. 30 апреля 1941 г. // Архив Службы внешней разведки России. Л. 350. <https://www.prlib.ru/item/1323014> (дата обращения – 8 сентября 2024 г.).

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Письмо, в котором Гитлер сделал это заявление, Уинстон Черчилль позднее целиком процитировал в своих мемуарах. См.: *Черчилль У.С.* Вторая мировая война: В 6 т. Т. 3: Великий союз. М., 1998. С. 11–14.

Германия вполне готова померяться с Англией силами где угодно. Фюрер имеет в своем распоряжении, вероятно, сильнейшие вооруженные силы из всех существовавших когда-либо»⁶⁹.

На самом деле война Германии с Великобританией зашла в тупик. Ни одна из сторон не могла одержать победу, и в правящих группировках обеих стран оживились сторонники полного прекращения или замораживания войны. Немало таких людей было даже в британском правительстве Уинстона Черчилля, причем очень влиятельных. 21 апреля 1941 года посол СССР в Великобритании И.М. Майский направил в Наркомат иностранных дел шифртелеграмму, в которой говорилось: «Из достоверных источников сообщают, что в связи с неудачами на Балканах и в Северной Африке в правительстве в настоящее время наметились три группы:

1. Маргесон (военный министр и бывший генсекретарь Консервативной партии), Кингсли Вуд (министр финансов), Саймон (лорд-канцлер), Джон Андерсон (лорд хранитель печати) и другие остатки чемберленовцев — эта группа стоит за окончание войны путем предложения Гитлеру союза против СССР.

2. Бивербрук и еще некоторые менее значительные фигуры — эта группа стоит за прекращение войны на базе целостности Британской империи, с одной стороны, свободы действий для Германии на европейском континенте, с другой. Прямого антисоветского настроения у этой группы нет.

3. Черчилль и Бевин, к которым примыкают Иден, Кренборн, Александер и другие лейбористские министры, — эта группа стоит за войну до конца, в случае надобности даже из Канады. Доминирует пока, несомненно, последняя группа. Дальнейшее будет в сильной степени зависеть от хода военных событий»⁷⁰.

Как видим, сторонников договориться с Гитлером было в британском правительстве большинство и занимали они довольно высокие должности. Получается, что утверждениями о победе над Великобританией руководители

⁶⁹ Там же. С. 99.

⁷⁰ Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР о группировках, сложившихся в британском правительстве по вопросу ведения войны с Германией. 21 апреля 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 351. Д. 2401. Л. 184. В верхней части расшифрованного текста данной телеграммы из Лондона, полученной в Москве 22 апреля, было отмечено, что она передана Сталину, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Жданову, Берия, Вышинскому.

фашистской Германии готовили почву для оправдания своего стремления прекратить или приостановить войну с этой страной.

В свете подобных фактов предостережение британского посла в СССР о том, что Великобритания при определенных обстоятельствах вполне может присоединиться к Германии в войне против Советского Союза, выглядело логичным. В первый раз Стаффорд Криппс затронул эту тему в разговоре с Вышинским 11 ноября 1940 года, когда план вторжения германской армии в нашу страну еще не был утвержден Гитлером. Криппс вызывающе заявил тогда первому заместителю наркома иностранных дел Советского Союза: «В Англии имеется много людей, готовых выступить против СССР и даже заключить пакт с Гитлером против СССР»⁷¹.

Весной 1941 года, когда подготовка Германии к нападению на Советский Союз активизировалась, посол Великобритании вдруг решил повторить свое ноябрьское предупреждение советскому руководству. И сделал он это в довольно необычной форме. Утром 18 апреля Криппс предпринял попытку попасть на прием к председателю Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотову с тем, чтобы высказать ему свое мнение о проблемах в советско-британских отношениях и о возможных вариантах дальнейшего их развития. Однако в секретариате Молотова британскому послу ответили коротко и резко, без каких-либо объяснений: «Народный комиссар не может принять». Тогда Криппс пошел к первому заместителю наркома иностранных дел СССР. Так Вышинский снова оказался в центре дипломатических интриг британского истеблишмента, затрагивавших жизненно важные интересы нашей страны. И надо отметить, он проявил себя весьма талантливым дипломатом.

Беседа, которую Вышинский провел 18 апреля 1941 года с Криппсом, показывает, что первый заместитель наркома иностранных дел СССР был довольно неудобным собеседником для британского посла. Андрей Януарьевич сразу замечал несуразности, нелогичности, противоречия в суждениях гостя и не стеснялся указывать на эти слабые места его позиции.

В начале разговора посол Великобритании попросил Вышинского принять текст перевода заявления, которое он приготовил для товарища Молотова, но не смог вручить ему, поскольку не был удостоен приема. Вышинский ответил

⁷¹ Прием посла Великобритании С. Криппса. 11 ноября 1940 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 06. Оп. 2. П. 4. Д. 30. Л. 42.

Криппсу, что товарищ Молотов является не только народным комиссаром, но и председателем Совнаркома, что заставляет его «иногда поручать прием послов своим заместителям»⁷². Кроме того, продолжил Вышинский, товарищ Молотов «крайне недоволен тем, что до сих пор Великобританское правительство не желает положительно разрешить такой сравнительно небольшой вопрос, как вопрос о выезде из Англии балтийских моряков»⁷³. «Значит, я правильно считаю, что отказ г-на Молотова принять меры является политическим актом?» — спросил Криппс. Вышинский повторил, что Молотов и советское правительство весьма недовольны положением вопроса о балтийских моряках, «Криппс должен это учесть и сделать из этого необходимые выводы»⁷⁴.

Британский посол попытался оправдаться тем, что для эвакуации моряков нет ни одного парохода, а просьба предоставить такой пароход, обращенная к шведскому правительству, остается без ответа. Вышинский возразил, что «нет нужды ждать шведский пароход, когда в Англии имеются советские пароходы, и что отказ великобританского правительства вернуть нам даже один пароход, хотя бы "Эверейю", для вывоза моряков, дает все основания для нашего недовольства»⁷⁵. Криппс в ответ заметил, что «было бы лучше урегулировать общие вопросы, а затем уже перейти к частным»⁷⁶. Вышинский парировал: «Прежде всего необходимо покончить с частными вопросами и тем самым создать соответствующую обстановку для обсуждения общих вопросов»⁷⁷.

Криппс перестал настаивать на своем, а вместо этого достал написанный от руки на 14 страницах текст заявления для Молотова⁷⁸ и передал его Вышинскому со словами, что в нем находят отражение и общие, и частные

⁷² Беседа 1-го заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 18 апреля 1941 г. // 1941 год: В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 92.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Напечатанный на пишущей машинке и хранящийся в Архиве внешней политики РФ текст этого документа насчитывает шесть страниц (см.: письмо посла Великобритании в СССР С. Криппса наркому иностранных дел СССР В.М. Молотову. [18 апреля] // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 8. Д. 87. Л. 1–6. Документ не имеет названия, но в правом верхнем углу первой страницы стоит пометка: «Криппс вручил т. Вышинскому. 18. IV. 1941 г.». Рукописный текст действительно занимает 14 страниц (см.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 7. Д. 75. Л. 17–30. Оба варианта русского перевода этой записки никем не подписаны.

вопросы. Вышинский сразу стал читать этот документ и обратил внимание на то место, где говорилось о его беседах с Криппсом, проходивших в октябре и ноябре 1940 года.

Британский посол сообщал Молотову: «В тех же беседах я также коснулся того вопроса, затронутого уже в разговоре с Вашим Превосходительством, что не исключено на случай растяжения войны на продолжительный период, что Великобритании (особенно определенным кругам в Великобритании) могла бы улыбнуться идея о заключении сделки на предмет окончания войны на той основе, вновь предложенной в некоторых германских кругах, при которой в Западной Европе было бы воссоздано прежнее положение, Германии же не творилось бы препятствий в расширении ее “жизненного пространства” в восточном направлении. Такого рода идея могла бы найти последователей и в Соединенных Штатах Америки. В связи с этим следует помнить, что сохранение неприкосновенности Советского Союза не представляет собой прямого интереса Великобританскому правительству, как, например, сохранение неприкосновенности Франции и некоторых других западноевропейских стран»⁷⁹ (выделено мной. В.Т.).

Закончив чтение, Вышинский сказал Криппсу, что передаст этот документ по назначению и что он поступит в соответствии с теми указаниями, которые получит от товарища Молотова. Но насколько можно судить об этой записке по первому чтению, добавил Андрей Януарьевич, лично он ее «не считает серьезной», к тому же для ее обсуждения у СССР нет подходящих отношений с правительством Англии. «Более того, — продолжил он, — в записке содержатся даже совершенно неприемлемые для нас места, вроде того, что английское правительство не заинтересовано в неприкосновенности СССР так, как оно заинтересовано в неприкосновенности Франции и т. п.»⁸⁰. О неприкосновен-

⁷⁹ Записка, врученная Криппсом Вышинскому. 18 апреля 1941 г. // 1941 год: В 2-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 94–95. В рукописном варианте данной записки, который читал Вышинский, слева напротив слов «не исключено на случай растяжения войны на продолжительный период, что Великобритании (особенно определенным кругам в Великобритании) могла бы улыбнуться идея о заключении сделки на предмет окончания войны на той основе...», прочерчена красным карандашом вертикальная линия, что свидетельствует об особом внимании читавшего именно к этому фрагменту. См.: Письмо посла Великобритании в СССР С. Криппса наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову. [18 апреля] // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 7. Д. 75. Л. 22.

⁸⁰ Беседа 1-го заместителя наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинского с послом Великобритании в СССР С. Криппсом. 18 апреля 1941 г. С. 92.

ности и безопасности СССР позаботится сам СССР без помощи советчиков, успокоил Вышинский Криппса, и можно догадаться, каким насмешливым тоном были произнесены эти слова.

Вышинский назвал странной и неправильной попытку Криппса поставить перед Молотовым вопрос о том, «намерено ли советское правительство улучшить свои отношения с Англией или оно желает их оставить в таком состоянии, в каком они находятся сейчас»⁸¹, «так как не советское правительство, а английское правительство довело наши отношения до того состояния, в котором они сейчас находятся»⁸². Здесь Вышинский напомнил Криппсу «о целом ряде враждебных действий Англии против СССР (реквизиция золота, судов, сохранение дипломатических миссий прибалтов и др.)».

О других вопросах, поднимавшихся в записке Криппса, Вышинский сказал, что «они способны вызвать только недоумение», и спросил, не считает ли его Криппс очень наивным человеком. Криппс в ответ заявил, что «английское правительство при современных отношениях между Германией и СССР имеет достаточные основания рассматривать СССР как канал и источник снабжения Германии, что это определяет характер отношений к СССР со стороны Англии». Вышинский отклонил попытки оспаривать право Советского государства торговать с Германией и с любым другим государством, заявив, что «это наше дело и только наше»⁸³.

В конце беседы, продолжавшейся один час и пятнадцать минут, Криппс сказал, что если Вышинский не видит в записке ничего серьезного, то, пожалуй, не следует ее передавать товарищу Молотову и утруждать его чтением такого документа. Британский посол попросил вернуть ему записку, обещая при этом сообщить своему правительству о том, какое впечатление она произвела на первого заместителя наркома иностранных дел СССР. Вышинский ответил, что записку он считает себя обязанным передать товарищу Молотову.

Записка британского посла действительно была в тот же день передана Вышинским адресату. Содержавшееся в ней утверждение о том, что британское правительство вполне может пойти на сделку с Гитлером, пообещав ему в обмен на прекращение военных действий против Великобритании и отвод войск с

⁸¹ Там же. С. 93.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

оккупированных территорий в Западной Европе сохранять нейтралитет по отношению к Германии в случае нападения ее на СССР, не могло не встревожить советское руководство. Вместе с тем реакция А.Я. Вышинского на это утверждение показывает, что Андрей Януарьевич воспринял его как обычную дипломатическую уловку неопытного британского посла. Первый заместитель наркома иностранных дел назвал неприемлемым лишь заявление Криппса о том, что «английское правительство не заинтересовано в неприкосновенности СССР так, как оно заинтересовано в неприкосновенности Франции», и не дал никакой оценки его словам о возможности заключения сделки между Великобританией и Германией.

За неделю до описанной встречи с Криппсом – 11 апреля 1941 года – Вышинский получил от него состоявшееся сплошь из упреков в адрес советского правительства письмо, в котором почти открыто демонстрировалось стремление британского посла и правительства Великобритании⁸⁴ как можно скорее вовлечь СССР в войну с Германией. Криппс писал: «В июне 1940 года, незадолго до падения Франции, Советскому правительству указывалось, что если французам не будет оказана поддержка, то наиболее опасная сила была бы освобождена в форме германской армии, которая в дальнейшем неизбежно создала бы серьезную угрозу Советскому Союзу»⁸⁵. Далее Криппс упрекал советское руководство в том, что оно не оказало военной поддержки Югославии, подвергшейся нападению со стороны Германии 6 апреля 1941 года, не вняв рекомендациям британского правительства: «Вместо предложенной политики создания сильной обороны самих Балканских государств, советское правительство предприняло меры, предусматривающие обеспечение безопасности своих собственных границ путем оккупации Бессарабии и Северной Буковины»⁸⁶. Но, утверждал британский посол, поддержать

⁸⁴ 10 апреля 1941 г. Стаффорд Криппс направил Вышинскому записку, в которой сообщил, что получил от своего правительства по телеграфу инструкции и в настоящее время вынужден «послать ответ с объяснением существующего положения» (Записка посла Великобритании в СССР С. Криппса первому заместителю наркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому. 10 апреля 1941 г. // Документы внешней политики. Том 23. Кн. 2. 2 марта 1941 – 22 июня 1941. С. 546. Это сохранилось в Архиве внешней политики РФ, но не было опубликовано в данном сборнике.

⁸⁵ Письмо посла Великобритании в СССР С. Криппса на имя первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского о политике СССР на Балканах и необходимости открытия балканского фронта против Германии. 11 апреля 1941 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 7. Д. 75. Л. 6.

⁸⁶ Там же.

Югославию (т.е. вступить в войну с Германией) Советскому Союзу еще не поздно. «В течение этого короткого времени, когда большие германские армии еще заняты на балканском фронте, — продолжал он, — для советского правительства имеется, как мне кажется, возможность, может быть последняя возможность, предпринять действия, чтобы предупредить прямое нападение на свои границы со стороны германских армий, которые с этого времени освободятся от затруднений борьбы на других сухопутных фронтах»⁸⁷.

Криппс не постеснялся повторить свои утверждения о необходимости немедленного вступления СССР в войну с Германией, причем таким тоном, будто был вправе приказывать Вышинскому, а советское правительство состояло из людей, не понимавших интересы своей страны. «Если немцы будут иметь успех в поражении разобщенных сил на Балканах, — вещал британский посол, — то Советский Союз будет оставлен незащищенным от полного давления объединенных германских армий»⁸⁸.

Вывод, которым завершалось письмо Вышинскому, явно не принадлежал Криппсу, а был продиктован ему вышестоящей инстанцией. «Поэтому, кажется, настоящий момент является наиболее критическим моментом с точки зрения советского правительства, так как неизбежно выдвигается вопрос, было ли лучше подождать и встретить неразделенные силы германских армий одному, когда они выберут время взять инициативу в свои руки или не было бы лучше принять немедленные меры — объединить советские силы с еще не завоеванными греческой, югославской и турецкой армиями при помощи, которая осуществляется со стороны Великобритании, как в отношении войск, так и материалов... При этих условиях Германия оказалась бы, по крайней мере, перед тремя и возможно перед четырьмя различными фронтами, и этим самым был бы создан хороший случай устранения германской угрозы Советскому Союзу без необходимости бороться на советской территории»⁸⁹.

Когда Криппс писал эти рекомендации для советского правительства, чтобы передать их Вышинскому, сопротивление Югославии и Греции было сломлено немецкими войсками. 13 апреля 1941 года британское военное командование приняло решение вывести свой экспедиционный корпус из

⁸⁷ Там же. Л. 8.

⁸⁸ Там же. Л. 8–9.

⁸⁹ Там же. Л. 9.

Греции. Спустя неделю Греция капитулировала. 17 апреля 1941 года в Белграде был подписан акт о безоговорочной капитуляции Югославии перед Германией.

Вряд ли Вышинский мог всерьез рассматривать предложение британского посла послать советскую армию для защиты Югославии и Греции в то время, когда само британское правительство отказалось защищать эти страны. Письмо Криппса Вышинскому от 11 апреля 1941 года, демонстрировало ужасающе низкий уровень британской дипломатии, и это в то время, когда от действий дипломатов ведущих держав зависели судьбы ряда стран и жизни многих миллионов людей. С учетом данного письма принесенная через неделю в Наркомат иностранных дел СССР британским послом записка для председателя советского правительства не могла восприниматься Вышинским иначе, как новая попытка британского правительства втянуть Советский Союз в войну с Германией и тем самым спасти Великобританию, терпевшую в апреле 1941 г. поражение за поражением. Поэтому Андрей Януарьевич и воспринял вполне спокойно приведенную в этом документе взрывную информацию о готовности влиятельных кругов в истеблишменте Великобритании заключить сделку с Гитлером, создающую фашистской Германии самые благоприятные условия для начала войны против СССР.

В записке Криппса Молотову, переданной через Вышинского 18 апреля 1941 года, условия возможной сделки между Германией и Великобританией были изложены более подробно. Для советского руководства это было веским аргументом, требовавшим отнестись к перспективе заключения такого соглашения предельно серьезно.

Послу СССР в Великобритании И.М. Майскому было поручено выяснить, насколько достоверна информация Криппса о подготовке к заключению сделки между Великобританией и Германией. 12 мая 1941 года Майский направил в Наркомат иностранных дел СССР ответ, в котором сообщалось: «Дипломатический корреспондент “Таймс” Макдональд (очень осведомленный человек) говорил Коржу, что, хотя меморандум Криппса, врученный товарищу Вышинскому 18 апреля, в принципе был в свое время (еще до возвращения Идена с Ближнего Востока) одобрен Форейн-Оффисом⁹⁰, однако текста его Форейн-Оффис не видал до вручения меморандума. Когда этот текст был получен в Форейн-Оффисе (уже после вручения), Иден и Черчилль будто бы были чрезвычайно шокированы, в особенности тем местом меморандума,

⁹⁰ Так написано в оригинальном тексте документа. — В.Т.

где Криппс намекает на возможность мира между Англией и Германией (есть ли вообще такое место в меморандуме?). В частности, Черчилль был очень раздражен тем, что в то время, как он в Лондоне клянется тем, что войну будет вести “до конца”, Криппс в Москве говорит о возможности мира»⁹¹.

Трудно сказать, зачем посол Майский отправил в Москву столь сомнительную информацию — мнение о сложившейся ситуации журналиста лондонской газеты, изложенное в его разговоре с первым секретарем полпредства СССР в Великобритании М.В. Коржем. Ведь Макдональд не мог ничего знать о действительных настроениях главы Форин-офиса Энтони Идена и премьер-министра Уинстона Черчилля.

Между тем информация, поступавшая в Кремль по другим каналам, наводила на мысль о том, что, Криппс передавая Вышинскому предостережение о возможности заключения британским правительством при определенных обстоятельствах сделки с Гитлером, действовал не самостоятельно, т. е. все же с ведома Идена и Черчилля.

23 апреля 1941 года британский посол отправил из Москвы в Лондон зашифрованную телеграмму, в которой, помимо прочего, привел сведения о настроениях в правительственных кругах СССР, правда, не указав источник информации. Текст данной телеграммы был перехвачен сотрудниками НКГБ СССР и передан Сталину. Его содержание еще более усилило подозрения советского руководства насчет истинных замыслов британского правительства. «Наиболее сильным противовесом, — сообщал Криппс, имея в виду противодействие Советского правительства давлению со стороны германского руководства, — является страх, что мы можем заключить сепаратный мир при условии эвакуации немцами оккупированной ими территории в Западной Европе и предоставить Гитлеру свободу рук на Востоке. Я отдаю себе отчет, что это весьма деликатный вопрос для проработки по косвенным каналам. Тем не менее, я считаю его самой ценной картой в весьма трудной игре, и, вероятно, некоторые средства для использования такой карты будут найдены. Советский

⁹¹ Шифртелеграмма полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского в НКВД СССР о реакции МИД Великобритании и британского руководства на “меморандум” посла Великобритании в СССР С. Криппса от 18 апреля 1941 г. 12 мая 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 351. Д. 2401. Л. 272.

талант в приобретении информации через нелегальные каналы хотя бы на этот раз может быть использован нами в свою пользу»⁹².

При чтении этого сообщения возникал вполне логичный вопрос: какая игра ведется против СССР, и кто ее ведет?

Согласно поступавшие в Москву по каналам разведки сведения, о возможности заключения британским правительством сделки с Гитлером Криппс информировал не только Вышинского.

11 марта 1941 года созданный за месяц до этого Народный комиссариат государственной безопасности СССР направил в ЦК ВКП(б) и СНК СССР рапорт, в котором говорилось: «Источник НКГБ СССР, близко стоящий к английскому посольству в Москве, сообщил, что 6 марта с. г. английский посол Криппс собрал пресс-конференцию, на которой присутствовали английские и американские корреспонденты Чоллертон, Ловелл, Кассиди, Дюранти, Шапиро и Магидов. Предупредив присутствующих, что его информация носит конфиденциальный характер и не подлежит использованию для печати, Криппс сделал следующее заявление... Советско-германская война неизбежна. Многие надежные дипломатические источники из Берлина сообщают, что Германия планирует нападение на Советский Союз в этом году, вероятно, летом. В германском генеральном штабе имеется группа, отстаивающая немедленное нападение на СССР. До сего времени Гитлер пытается избежать войны на два фронта, но если он убедится, что не сможет совершить успешного вторжения в Англию, то он нападет на СССР, так как в этом случае он будет иметь только один фронт. С другой стороны, если Гитлер убедится, что он сумеет победить Англию до того, как Америка сможет оказать ей помощь, он попытается заключить мир с Англией на следующих условиях: восстановление Франции, Бельгии и Голландии и захват СССР.

Эти условия мира имеют хорошие шансы на то, чтобы они были приняты Англией, потому что как в Англии, так и в Америке имеются влиятельные группы, которые хотят видеть СССР уничтоженным, и, если положение Англии ухудшится, они сумеют принудить правительство принять

⁹² Записка НКГБ СССР в ЦК ВКП(б) – И.В. Сталину, СНК СССР – В.М. Молотову и НКВД СССР – Л.П. Берия с препровождением телеграмм английского посла в СССР С. Криппса. 5 мая 1941 г. // 1941 год: В 2-х кн. Кн. 2. С. 153.

гитлеровские условия мира. В этом случае Гитлер очень быстро совершит нападение на СССР»⁹³ (выделено мной. — В.Т.).

Стаффорд Криппс был человеком весьма авторитетным и, кроме того, довольно самоуверенным. Он имел серьезные расхождения в политических взглядах с Уинстоном Черчиллем и неоднократно ссорился с ним. Некоторые влиятельные люди в британском истеблишменте прочили Криппса уже в 1942 г. на место Черчилля в правительстве. Но при всем том вряд ли он мог в Москве в британском посольстве на пресс-конференции, даже секретной, без разрешения своего правительства заявлять о «хороших шансах» Великобритании договориться с фашистской Германией относительно раздела сфер влияния, ссылаясь на существование в Англии и в США влиятельных групп, неистово желавших видеть СССР уничтоженным.

4

19 апреля 1941 года Стаффорд Криппс передал Вышинскому новое письмо. На этот раз британский посол обратился к первому заместителю наркома иностранных дел СССР как к представителю Сталина. В письме говорилось: «Уважаемый господин Вышинский, я препровождаю текст сообщения, полученный мною от господина Уинстона Черчилля для господина Сталина. Я был бы Вам благодарен, если бы Вы были столь любезны передать это сообщение по назначению»⁹⁴.

На этом документе, хранящемся в Российском государственном архиве социально-политической истории, стоит пометка: «Получено почтой». Слева внизу под словами «Его Превосходительству Господину Вышинскому. Народный Комиссариат Иностранных Дел. Москва» написано: «Подлинники с переводами посланы т. Поскребышеву» и указана дата «19/IV-41». Справа имеется указание: «т. Молотову В.М. Представляю сообщение У. Черчилля на В[аше] распоряжение» и подпись «А. Вышинский».

Содержание данного послания по ряду причин не могло не показаться советским руководителям весьма странным. Уинстон Черчилль писал: «Я имею достоверную информацию от доверенного агента, что немцы предполагали после того, как Югославия будет в их сетях, т. е. после 20 марта, начать передвижение трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий

⁹³ Сообщение НКГБ в ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 11 марта 1941 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 206–207.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 255. Л. 6.

(Panzer divisions) в южную часть Польши. В тот момент, когда они узнали о сербской революции⁹⁵, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов»⁹⁶. Британский премьер-министр сообщал о решении, принятом руководством Германии, т. е. называл «достоверной» информацию, которую невозможно было проверить, а значит ее нельзя было считать достоверной («sure information»).

В своих мемуарах о Второй мировой войне Уинстон Черчилль посвятил этому, казалось бы, незначительному эпизоду в англо-советских отношениях несколько страниц⁹⁷. Он сообщил, что 3 апреля 1941 года направил телеграммой в Москву Стаффорду Криппсу письмо для Сталина, сопроводив его указанием: «Передайте от меня Сталину следующее письмо *при условии, что оно может быть вручено лично Вами*»⁹⁸. Но Криппс не выполнил поручение своего премьер-министра. Возникшую вследствие этого ситуацию Черчилль представил в мемуарах следующим образом: «Британский посол ответил только 12 апреля, сообщив, что как раз перед тем, как была получена моя телеграмма, он сам направил Вышинскому длинное личное письмо, в котором обращал внимание на череду неудачных попыток Советского правительства противодействовать германскому вторжению на Балканы и самым решительным образом настаивал на том, чтобы СССР в своих собственных интересах принял решение о немедленной и энергичной политике сотрудничества со странами, все еще противостоящими странам Оси в этом регионе, если он не хочет упустить последний шанс защитить свои собственные границы в союзе с другими»⁹⁹. По

⁹⁵ «Сербской революцией» Уинстон Черчилль назвал в данном случае произошедший в Белграде в ночь с 26 на 27 марта 1941 г. государственный переворот, в результате которого был отстранен от власти принц-регент Павел, согласившийся на присоединение Югославии к союзу фашистских государств во главе с Германией, и 17-летний король Петр II, провозглашенный совершеннолетним, получил всю полноту верховной государственной власти.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 255. Л. 7.

⁹⁷ Churchill W. The Second World War. Vol. 3. The Grand Alliance. London, 1968. P. 319–323

⁹⁸ «Following from me to M. Stalin, provided it can be personally delivered by you: I have sure information from a trusted agent that when the Germans thought they had got Yugoslavia in the net, that is to say, after March 20th, they began to move three out of the five Panzer divisions from Roumania to Southern Poland. The moment they heard of the Serbian revolution this movement was countermanded. Your Excellency will readily appreciate the significance of these facts» (ibid. P. 320).

⁹⁹ «The British Ambassador did not reply till April 12, when he said that just before my telegram had been received he had himself addressed to Vyshinsky a long personal letter reviewing the succession of failures of the Soviet Government to counteract German encroachments in the Balkans,

словам Черчилля, Криппс в связи с этим предложил не передавать послание Черчилля от 3 апреля, выражающее в более краткой и менее энергичной форме те же мысли, который британский посол уже сообщил в письме Вышинскому: советское правительство не поймет, зачем премьер-министр Великобритании решил столь официально кратко сообщить о том, что русские, несомненно, уже знают. Назвав передачу Сталину послания Черчилля «серьезной тактической ошибкой», Криппс заметил, что если премьер-министр не разделяет данную точку зрения, то он, конечно, постарается в срочном порядке выполнить его поручение¹⁰⁰.

На самом деле, архивные документы британского Foreign Office, хранящиеся в Public Record Office, свидетельствуют, что Криппс уже 5 апреля сообщил Черчиллю, что со Сталиным он виделся всего однажды, в июле 1940 года, и маловероятно, что удастся встретиться еще раз, чтобы лично передать послание¹⁰¹.

На следующий день в Лондон из Москвы поступила новая телеграмма от Криппса, в которой он сообщил о своей полной уверенности в том, что русские вполне осведомлены о сути информации, содержащейся в послании Черчилля. Британский посол настаивал на том, что премьер-министру разумнее не вмешиваться в русские дела, когда все идет как нельзя лучше в интересах Великобритании («as well as possible in Britain's direction»)¹⁰². 7 апреля Черчилль ответил Криппсу, что послание можно передать Сталину через Молотова. Личное же письмо Криппса Вышинскому, в котором британский посол призывал Советский Союз оказать помощь балканским странам, которые якобы все еще сопротивлялись военному нападению Германии, было передано 11 апреля 1941 года.

Криппс утаил от премьер-министра, что Вышинский воспринял содержание данного письма крайне отрицательно — как всего лишь попытку втянуть Советское государство в войну с Германией для защиты Югославии и

and urging in the strongest terms that the U.S.S.R. in her own interest must now decide on an immediate vigorous policy of co-operation with countries still opposing the Axis in that area if she was not to miss the last chance of defending her own frontiers in alliance with others» (ibid. P. 321).

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ Эти документы с конкретными ссылками на места хранения приводятся в статье: *Gorodetsky G. Churchill's Warning to Stalin: A Reappraisal // The Historical Journal. 1986. Vol. 29. Issue 4. P. 984.*

¹⁰² Ibidem.

Греции в то время, когда они уже прекратили всякое сопротивление германской агрессии¹⁰³.

Описывая в мемуарах ситуацию, возникшую в апреле 1941 года вокруг послания Сталину, Черчилль почему-то счел необходимым предать огласке и содержание письма главы своего внешнеполитического ведомства, в котором выражалась поддержка позиции британского посла в СССР. «В этой новой ситуации, я считаю, — писал Уинстону Черчиллю Энтони Иден, — что доводы сэра Стаффорда Криппса против вручения Вашего послания обладают, мне думается, некоторой убедительностью. Если Вы согласитесь, я предложил бы сообщить ему, что нет необходимости вручать послание сейчас, но если Вышинский благожелательно отнесется к его письму, то он должен изложить Вышинскому факты, содержащиеся в Вашем послании»¹⁰⁴. В ответ премьер-министр 16 апреля 1941 года обратился к главе Foreign Office с требованием немедленно выполнить его поручение: «Я придаю особое значение вручению этого личного послания Сталину. Я не могу понять, почему этому противятся. Посол не сознает военной значимости фактов. Прошу Вас выполнить мою просьбу»¹⁰⁵.

Через день Черчилль направил Идену еще одну записку: «Передал ли сэр Стаффорд Криппс Сталину мое личное письмо с предостережением насчет германской опасности? Меня весьма удивляет столь долгая задержка, учитывая значение, которое я придаю этой чрезвычайно важной информации»¹⁰⁶. Только после этого глава британского Foreign Office озаботился, чтобы послание Черчилля было передано Сталину, и направил Криппсу телеграмму, в которой сообщил: «Премьер-министр по-прежнему считает, что послание должно быть передано, и я надеюсь, что теперь вы сочтете это возможным»¹⁰⁷.

Черчиллю не было доложено о выполнении его поручения. Он подождал до 30 апреля и снова обратился к Идену: «Когда сэр Стаффорд Криппс вручил мое послание Сталину? Не будете ли Вы так добры запросить его». Иден ответил: «Сэр Стаффорд Криппс направил послание Вышинскому 19 апреля, а

¹⁰³ Об этом письме и реакции на него Вышинского говорится в моей предыдущей статье (Законодательство. 2024. № 10).

¹⁰⁴ Churchill W. The Second World War. Vol. 3. The Grand Alliance. P. 321.

¹⁰⁵ Ibid. 322.

¹⁰⁶ Ibidem.

¹⁰⁷ «Prime Minister still thinks message should be delivered and I hope you will now find this possible» (цит. по: Gorodetsky G. Churchill's Warning to Stalin: A Reappraisal. P. 985).

Вышинский уведомил его письменно 23 апреля, что оно вручено Сталину. Весьма сожалею, что по ошибке телеграммы, сообщающие об этом, не были посланы Вам вовремя»¹⁰⁸. В шифрограмме, направленной в Лондон послу И.М. Майскому 23 апреля 1941 года, Вышинский указал: «22 апреля я сообщил Крипсу, что препровожденное им сообщение Черчилля передано по назначению»¹⁰⁹.

Описанная история примечательна прежде всего тем, что показывает истинное состояние британской дипломатии накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз, т. е. перед вступлением Второй мировой войны в решающую стадию. Молотов имел серьезные причины избегать встреч с послом Великобритании — для председателя Советского правительства они были пустой тратой времени. У его заместителя Вышинского, которому приходилось брать на себя бремя почти всех переговоров с Крипсом, имелось не меньше оснований для весьма прохладного к ним отношения.

Черчилль по каким-то ему одному известным мотивам считал свое послание Сталину, направленное в начале апреля 1941 года, поистине судьбоносным. Кроме того, премьер-министр называл его «кратким и загадочным». «Это было, — утверждал он в мемуарах, — единственное послание перед нападением Германии, которое я направил непосредственно Сталину. Его краткость, исключительный характер сообщения, тот факт, что оно исходило от главы правительства и должно было быть вручено послом лично главе русского правительства, — все это должно было придать ему особое значение и привлечь внимание Сталина»¹¹⁰.

Во время посещения Москвы в середине августа 1942 года в одной из бесед со Сталиным Черчилль напомнил ему о том, что «предупреждал Советское правительство о предстоящем нападении Германии весной 1941 года, когда сообщил о переброске немецких танковых дивизий с Балкан в Польшу». Сталин ответил: «Мы никогда в этом не сомневались», а лишь хотели «получить еще

¹⁰⁸ Churchill W. The Second World War. Vol. 3. The Grand Alliance. P. 322. В шифрограмме в Лондон послу И.М. Майскому Вышинский указал: «22 апреля я сообщил Крипсу, что препровожденное им сообщение Черчилля передано по назначению»

¹⁰⁹ Шифртелеграмма первого заместителя наркома иностранных дел СССР А. Я. Вышинского полпреду СССР в Великобритании И. М. Майскому. 23 апреля 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 353. Д. 2409. Л. 130.

¹¹⁰ Churchill W. The Second World War. Vol. 3. The Grand Alliance. P. 321–322.

шесть месяцев для подготовки к этому нападению»¹¹¹. Данный ответ показывает, что Сталин увидел в предупреждении Черчилля только желание подтолкнуть руководство Советского государства к превентивному удару по Германии весной 1941 года. И это неудивительно, ведь послание британского премьер-министра было передано в Кремль вскоре после письма Крипса к Вышинскому, в котором советское руководство открыто призывалось вступить в войну с Германией под предлогом защиты Югославии и Греции от агрессии. Угроза высадки германских войск на британские острова не могла быть в то время реализована. Однако положение Великобритании в вооруженном противостоянии с Германией к началу апреля 1941 года заметно усугубилось, что усиливало для Черчилля опасность отстранения от власти и прихода на пост главы правительства вместо него представителя группировки сторонников примирения с Германией. Открытие восточного фронта спасало Великобританию и резко ослабляло позиции противников Черчилля. Именно поэтому Крипс и Черчилль всеми способами старались внушить советскому руководству мысль о неизбежности военного нападения Германии на Советский Союз, и оба обратились для этого к посредничеству Вышинского.

Перехваченные сотрудниками Наркомата государственной безопасности СССР и представленные Сталину шифрованные телеграммы Крипса от 23 апреля 1941 года показывали, как сильно интересовались в правительстве Великобритании настроениями по отношению к Германии в командном составе РККА и руководстве Советского Союза. Анализируя полученные из разных источников сведения о состоянии советско-немецких отношений «в разрезе последних событий», британский посол отмечал: «1. Яркая выраженная враждебность не только не уменьшилась, но в связи с приближением опасности — увеличилась. 2. Военные, которые начинают быть силой вне партии,

¹¹¹ Из записи беседы И.В. Сталина с У. Черчиллем. 15 августа 1942 г. // *Ржешевский О.А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 360.* Феликс Чуев затронул эту тему в одной из бесед с Молотовым, сказав: «Хрущев использовал слова Черчилля о том, что тот предупредил Сталина. Сталин потом сказал на это: “Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но думал, что мне удастся выиграть еще полгода”. В этом обвиняют Сталина. На себя положился и думал, что ему удастся оттянуть войну». Молотов ответил: «Но это глупо, потому что Сталин не мог на себя положиться в данном случае, а на всю страну. Он думал не о себе, а обо всей стране. Это же главный интерес был наш, всего народа — еще на несколько недель оттянуть» (*Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 39*).

убеждены в том, что война неизбежна, но они жаждут отсрочки ее хотя бы до зимы. 3. Советское правительство будет уступать немецкому давлению, поскольку это серьезно, не затрагивает их военных приготовлений или подготовленности. 4. Если Гитлер намерен удовлетвориться заверением и обещаниями, то ему не нужно будет нападать на Россию. 5. Если же его не удовлетворят обещания, то он должен будет напасть на Советский Союз, так как любые практические предложения, обеспечивающие немцам внутренний контроль поставок снабжения или транспортом¹¹², будут отвергнуты Советским правительством. 6. Ход дальнейшего развития отношений будет зависеть от того, в какой степени Гитлер потребует послушания от СССР, и это станет ясным в ближайшее время. 7. В настоящее время действия обоих правительств характерны тем, что, отказываясь от применения политики давления, они ведут усиленные военные приготовления»¹¹³.

6 мая 1941 года были приняты три важных документа. Указом Президиума Верховного Совета СССР В.М. Молотов был освобожден от обязанностей Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Основанием этого решения были названы неоднократные заявления Молотова о том, что ему трудно исполнять эти обязанности наряду с выполнением обязанностей народного комиссара иностранных дел. Вторым изданным в этот же день Указом нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов был назначен заместителем председателя СНК СССР. А председателем Советского правительства согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1941 года, стал И.В. Сталин.

Смысл этой перемены кажется очевидным: Советское государство соединяло всю полноту политической власти в одних руках для более эффективного управления страной в условиях предстоящей войны. Однако такое понимание назначения секретаря ЦК ВКП (б) на должность председателя СНК СССР не учитывает всей сложности международного положения Советского государства в то время. Надвигавшиеся военные испытания, безусловно, требовали концентрации основных полномочий верховной государственной власти. Но имелась и иная причина, заставлявшая Сталина

¹¹² Так в оригинале. — В.Т.

¹¹³ Содержание телеграмм английского посла в СССР Крипса за №№ 412 и 413 от 23 апреля 1941 г., адресованных Министерству Иностранных Дел Англии // ЦА ФСБ РФ. Ф. 3-ос. Оп. 8. Д. 56. Л. 1161 – 1162.

взять на себя обязанности главы правительства: неопределенность в расстановке сил на международной арене означала, что в любой момент может понадобиться быстро принимать решения о смене основного курса внешней политики Советского государства.

Шла германо-британская война, отличавшая многими странностями. Фактор, непосредственно вызвавший эту войну, быстро исчез. Великобритания объявила войну Германии 3 сентября 1939 года, после того как германский вермахт вторгся в Польшу. Но уже через две недели, 17 сентября, это казавшееся вполне крепким государство прекратило свое существование. Это заставило советское руководство принять решение о вводе войск на территории Белоруссии и Украины, захваченные Польшей в результате польско-советской войны 1920 г.¹¹⁴. Польское правительство бросило свою погибавшую страну, и это дало британским сторонникам примирения с Германией хороший аргумент для прекращения войны — поляки сами отказались защищать свое государство, что в таком случае должна была защищать Великобритания?

Стремление прекратить войну с Великобританией, чтобы направить все ресурсы для очередного *Drang nach Osten*, находило поддержку и в руководстве Германии. К тому же немецкие нацисты считали англичан народом такой же расы, как и немцы. Поэтому продолжать войну казалось им нецелесообразным еще и с точки зрения нацистской идеологии.

Стаффорд Криппс, говоривший Вышинскому еще в ноябре 1940 года о том, что в Англии есть много людей, готовых выступить против СССР и даже заключить с Гитлером соглашение против СССР, повторил данное утверждение, причем в значительно более резкой форме, в письме Молотову, переданном Вышинскому 18 апреля 1941 года.

Но сведения о вероятности заключения британскими правительственными кругами сделки с Гитлером Сталин получал не только от Вышинского, но и по линии внешней разведки. Предполагать такой исход британо-германской войны заставлял его и собственный анализ известных фактов. Он понимал, что

¹¹⁴ В ноте СНК СССР, врученной ранним утром 17 сентября 1939 г. послу Польши, констатировалось: «Польско-германская война выявила внутреннюю несостоятельность польского государства. В течение десяти дней военных операций Польша потеряла все свои промышленные районы и культурные центры. Варшава как столица Польши не существует больше. Польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни. Это значит, что польское государство и его правительство фактически перестали существовать» (Документы внешней политики. 1939. Т. 22: В 2 кн. Кн. 2: Сентябрь — декабрь. М., 1992. С. 96).

война с Великобританией для Германии бессмысленна, и знал, что после разгрома Франции Гитлер все время стремился принудить Великобританию к заключению соглашения о прекращении войны и разделе сфер влияния.

Вечером 10 мая 1941 года произошло событие, которое еще больше укрепило Сталина в убеждении, что в правящих кругах Великобритании и Германии готовится геополитическая сделка, прекращающая их войну и создающая фашистской Германии благоприятные условия для военного удара по Советскому Союзу. Рудольф Гесс, заместитель Гитлера¹¹⁵ в НСДАП (*Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*), правящей нацистской партии, и одновременно рейхсминистр (без портфеля)¹¹⁶, в форме капитана военно-воздушных сил совершил перелет в Великобританию на военном самолете, поднявшись около 18 часов с территории Германии (из Аусбурга) и приземлившись с парашютом вскоре после 23 часов близ шотландского города Иглшем (в 16 км к югу от Глазго).

О том, что с Гессом случилось после приземления, известно лишь из источников, которые не заслуживают доверия. Все рассказы о пребывании заместителя Гитлера в Великобритании на страницах мемуарной и научно-исторической литературы — не более чем предположения или гипотезы. Документы о пребывании Рудольфа Гесса в Великобритании, представленные Сталину 5 ноября 1942 года¹¹⁷, а затем в Международный военный трибунал, заседавший в Нюрнберге с 14 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 года, были составлены чиновниками британского внешнеполитического ведомства. Представитель обвинения от Великобритании Дж.М. Гриффит-Джонс говорил

¹¹⁵ Эта должность предполагала дублирование полномочий вождя партии. В декрете о назначении Гесса заместителем фюрера НСДАП Гитлер объявлял: говорилось: «Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства» (Стенограмма вечернего заседания 7 февраля 1946 года // Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. 6 / Пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. Новочеркасск, 2020. С. 125)

¹¹⁶ В приговоре Нюрнбергского военного трибунала было сказано: «В качестве имперского министра без портфеля Гесс имел полномочия предварительно санкционировать все законопроекты, предложенные различными имперскими министрами, прежде чем они могли войти в силу в качестве утвержденных законов» (Приговор Международного военного трибунала. // Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в 8-ми томах. Т. 8. М., 1999. С. 664).

¹¹⁷ См.: Нота британского посольства о Р. Гессе, врученная А.К. Керром И.В. Сталину. 3 ноября 1942 г. // СССР и Нюрнбергский процесс. Неизвестные и малоизвестные страницы истории: Сборник документов. М., 2012. С. 90–92.

об этом событии на вечернем заседании 7 февраля 1946 года: «Я перехожу теперь к представлению имеющихся доказательств касательно полета подсудимого Гесса в Англию 10 мая 1941 года. В тот вечер он приземлился в Шотландии, совсем близко, в 12 милях от резиденции герцога Гамильтона, и немедленно попросил, чтобы его доставили к герцогу Гамильтону, которого он хотел видеть. Он назвался чужим именем и был арестован. На следующий день, 11 мая, он имел беседу с герцогом Гамильтоном, отчет о которой изложен в приложении к книге документов»¹¹⁸. Согласно стенограмме, председатель суда спросил британского обвинителя об указанном отчете — удостоверен ли он надлежащим образом. И Гриффит-Джонс ответил, что «оригинал удостоверен как правительственный отчет из материалов министерства иностранных дел в Лондоне»¹¹⁹.

С уверенностью можно утверждать, что британские должностные лица вели переговоры с Гессом¹²⁰, и главной их темой был раздел сфер влияния в мире между Германией и Великобританией¹²¹. И нельзя не признать, что данное событие привлекло к себе огромное внимание со стороны Сталина.

Иосиф Виссарионович был сильно встревожен прибытием в Великобританию для переговоров столь высокого должностного лица нацистской Германии. Будучи заместителем Гитлера с обширными полномочиями, Гесс имел право подписывать от имени Германии соглашения, заключенные с другими государствами. И Сталин не скрывал своего желания узнать о пребывании Гесса в Великобритании как можно больше. «Полет Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, с миссией мира в Англию 10 мая 1941 г. остается одним из самых причудливых эпизодов второй мировой войны. То постоянное внимание, которое уделял Гессу в течение войны Сталин, ставило в тупик наблюдателей, считавших это капризом»¹²², — отмечает израильский

¹¹⁸ Стенограмма вечернего заседания 7 февраля 1946 г. С. 142.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Частично этот факт признавался в упомянутой выше ноте британского посольства Сталину. В ней сообщалось, что «с Гессом беседовал 13, 14 и 15 мая г-н Киркпатрик, бывший сотрудник Посольства Его Величества в Берлине с тем, чтобы опознать его и более подробно выявить его мысли» (Нота британского посольства о Р. Гессе. С. 91).

¹²¹ Британское посольство сообщило Сталину 5 ноября 1942 г., что «Гесс предложил мирное урегулирование на следующей основе: 1) Германия должна получить свободу рук в Европе и получить обратно свои колонии; 2) Англия должна получить свободу рук в Британской Империи». При этом Гесс якобы отрицал, что «Гитлер имел в виду совершить нападение на Россию в ближайшее время» (там же).

¹²² Городецкий Г. Канун войны: Сталин и дело Гесса // Вопросы истории. 1992. № 11. С. 161.

историк Габриэль Городецкий, специально исследовавший эту тему¹²³. В книге «Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз» он посвятил этому эпизоду целую главу («The Flight of Rudolf Hess to England»), начав ее с утверждения: «Полет Рудольфа Гесса, заместителя Гитлера, с миссией мира в Англию 10 мая 1941 г. — один из самых загадочных эпизодов Второй мировой войны. Важным аспектом этого дела, который, как правило, упускается из виду историками, является его влияние на советскую оценку намерений Великобритании и Германии накануне 22 июня 1941 года. В Москве миссия [Гесса] рассматривалась в свете предупреждения Черчилля, непрекращающихся угроз Криппса заключить сепаратный мир и новых инициатив Шуленбурга¹²⁴»¹²⁵.

Черчилль в своих мемуарах уделил прилету Рудольфа Гесса в Великобританию почти семь страниц¹²⁶, но постарался скрыть собственное участие в данной внешнеполитической политической акции. «Я никогда не придавал серьезного значения этой выходке»¹²⁷, — подчеркнул он, добавив: «Я знал, что она не имеет никакого отношения к ходу событий. Во всей Британии,

¹²³ *Gorodetsky G.* Hess affair and Anglo-Soviet relations on the eve of «Barbarossa» // *The English Historical Review*. 1986. Vol. 101. № 399. P. 405–420.

¹²⁴ Под новыми инициативами посла Германии в СССР Шуленбурга имеются в виду его предупреждения советскому руководству о том, что Гитлер принял решение начать войну против СССР. Феликс Чуев однажды спросил Молотова об этих предупреждениях: «Посол Шуленбург предупреждал Деканозова о начале войны?». «Не предупреждал, он намекал, — ответил Молотов. — Очень многие намекали, чтобы ускорить столкновение. Но верить Шуленбургу... Столько слухов, предположений ходило! И не обращать внимания — тоже неправильно» (Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым).

¹²⁵ *Gorodetsky G.* *Grand Delusion: Stalin and the German Invasion of Russia*. New Haven and London, 1999. P. 246. Другой перевод этого утверждения см. в издании: Городецкий Г. *Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз*. М., 2008. С. 283.

¹²⁶ *Churchill W.* *The Second World War*. Vol. 3. *The Grand Alliance*. P. 43–49.

¹²⁷ «I never attached any serious importance to this escapade» (*ibid.* P. 43). В русском варианте мемуаров Черчилля слово «this escapade» переведено как «эта проделка». «Я никогда не придавал сколько-нибудь серьезного значения этой проделке Гесса» (Черчилль У.С. *Вторая мировая война: В 6 т. Т. 3: Великий союз*. М., 1998. С. 32). Думается, это не совсем точный перевод. «Проделка» — это мелкое мошенническое действие. Черчилль же хотел подчеркнуть необычность поступка одного из лидеров фашистской Германии. Французский по происхождению термин «эскапада» указывает в первую очередь на экстравагантность действия. Его синонимом является в русском языке слово «выходка», т. е. что-то, выходящее за рамки нормального.

Соединенных Штатах, России и прежде всего в Германии это вызвало большую сенсацию, и обо всем этом написаны книги»¹²⁸.

В конце своего рассказа о прилете Гесса и пребывании его в Великобритании, Черчилль коснулся реакции Сталина на это событие: «Три года спустя, когда я был в Москве во время моего второго визита (в октябре 1944 г. — В.Т.), я осознал, как сильно эта тема интересовала Сталина. За обеденным столом он спросил меня, в чем был смысл миссии Гесса. Я кратко рассказал о том, что здесь написал. У меня сложилось впечатление, что он верил в какие-то тайные переговоры или заговор Германии и Великобритании о совместных действиях при вторжении в Россию, которое провалилось. Помня, что он умный человек, я был удивлен, обнаружив его неразумность в этом вопросе. Когда я понял благодаря переводчику, что он не верит моим словам, я ответил через своего переводчика: "Когда я излагаю известные мне факты, то ожидаю, что мне поверят". Сталин воспринял этот несколько резкий ответ с добродушной усмешкой. "Даже здесь, в России, происходит много такого, о чем наша секретная служба не обязательно сообщает мне". После этого я не стал продолжать разговор»¹²⁹.

Уинстон Черчилль писал мемуары о Второй мировой войне, помимо прочего, и для того, чтобы скрыть самые позорные реалии британской политики этого периода, когда он был премьер-министром и определял политический курс Великобритании. Он как будто не понимал, что тайны исторического масштаба и значения раскрываются самим ходом истории. Британский обвинитель на процессе Международного Военного Трибунала в Нюрнберге Дж.М. Гриффит-Джонс, касаясь пребывания Гесса в Великобритании в мае 1941 года, отметил: «Гесс заявлял, что Германия в то время якобы не имела намерения немедленно атаковать Россию. Но это очевидная ложь, поскольку, как следует вспомнить, и доказательства этому изложены в досье, еще в ноябре 1940 года разрабатывались первоначальные планы вторжения в Россию. Согласно директиве от 18 декабря 1940 года было приказано закончить подготовительные мероприятия к 15 мая 1941 года. 3 апреля 1941 года были отданы приказы, согласно которым выполнение плана "Барбаросса" было отложено на пять недель, а 30 апреля 1941 года, за десять дней до прибытия Гесса в Англию, была назначена точная дата вторжения в

¹²⁸ Ibid. P. 44.

¹²⁹ Ibid. P. 49.

Россию — 22 июня»¹³⁰ (выделено мной. — В.Т.). Гессу не было никакого смысла прилетать в Великобританию, если бы Гитлер не принял окончательного решения о нападении на Советский Союз.

* * *

В мае 1941 года первый заместитель наркома иностранных дел СССР вел переговоры с представителями Германии, Югославии, Румынии, Франции, Финляндии, США. Но с послом Великобритании, с которым Вышинский прежде виделся чаще, чем с другими послами, не было в этом месяце ни одной встречи. Стаффорд Криппс пришел к нему на прием только 4 июня, но всего лишь для того, чтобы попрощаться. Через день он отбывал через Швецию с женой к себе на родину. В отчете об этой встрече Вышинский сообщил: «Уходя, Криппс имел в виду, что, быть может, это его последний визит в НКВД, поблагодарил меня за внимательное к нему отношение в течение всего “бесплодного” года его пребывания в Москве. Я пожелал Криппсу счастливого пути»¹³¹.

5

Отъезд посла Великобритании из Москвы 6 июня 1941 года стал событием, которое еще больше усилило настороженное отношение советского руководства к британскому правительству. Во время прощальной встречи с первым заместителем наркома иностранных дел СССР Криппс сообщил, что направляется в Лондон для консультаций по вызову своего правительства, но, выходя после краткой беседы из кабинета, намекнул, что, вполне возможно, данный его визит в наркомат иностранных дел СССР — последний. Отбывал он из Москвы вместе с женой и дочерью. Если все это не означало, что правительство Великобритании отозвало своего посла, то в чем тогда был истинный смысл его отъезда в Лондон в тот момент, когда фашистская Германия завершила подготовку к военному походу на восток?

Сам Криппс был уверен, что германский вермахт обрушится на Советский Союз в середине или в 20-х числах июня 1941 года. Неужели он просто бежал от войны? С началом июня многие работники посольства Великобритании в Москве под влиянием распространявшихся в их среде слухов о скором начале

¹³⁰ Стенограмма вечернего заседания 7 февраля 1946 г. С. 147.

¹³¹ Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23: В 2-х кн. Кн. 2 (2) 2 марта 1941 — 22 июня 1941. М., 1998. С. 720.

войны Германии против СССР стали переправлять свои семьи на родину. Однако Криппс был государственным деятелем такого ранга, который не позволял ему принимать решения, затрагивающие межгосударственные отношения, под воздействием эмоций. Его отъезд из Москвы 6 июня 1941 года явно имел весьма значимые политические причины. Интересно, что незадолго до этого из Лондона был вызван в Вашингтон для консультаций посол США Джон Уайнент (John Winant), назначенный на данный пост президентом Франклином Рузвельтом 6 февраля 1941 года¹³². Вряд ли такое совпадение являлось случайным.

Отъезд Криппса из Москвы в Лондон порождал у советского руководства вполне логичные вопросы: для каких консультаций британскому правительству понадобился посол Великобритании в СССР? Не готовит ли Черчилль решительный поворот в британо-советских отношениях?

Эти подозрения усиливала информация, поступающая от советского посла в Лондоне. Утром 5 июня 1941 года, когда уже было известно об отъезде Криппса из Москвы, Майский прислал довольно объемную шифротелеграмму, датированную 3 июня, в которой описал свой разговор с министром снабжения Уильямом Бивербруком, входившим вместе с Черчиллем, Иденом и Эттли в решавший все главные вопросы ведения войны узкий состав кабинета министров.

Бивербрук, помимо прочего, рассказал Майскому о подоплеке прилета заместителя Гитлера в Великобританию и указал на факты, свидетельствующие о том, что Рудольф Гесс действовал с ведома и одобрения своего фюрера, что именно Гитлер послал его к влиятельным британским политическим деятелям, настроенным на заключение мира с Германией. Предложения, озвученные Гессом в беседах с британскими политическими деятелями, были, по словам Бивербрука, следующими: «Империя сохраняет все свои позиции (только в Африке Германия получает назад прежние колонии), Германии же гарантируется свобода действий в Европе, а также в Азии за пределами

¹³² 29 мая 1941 г. глава британского Foreign Office выступал с речью в резиденции лорд-мэра Лондона. Присутствовавший на этом мероприятии И.М. Майский записал под этой датой в своем дневнике, что здесь «был также американский поверенный в делах [Г.] Джонсон (Вайнант сейчас в отъезде). См.: *Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 кн. Кн. 2. Ч. 1: 4 сентября 1939– 21 июня 1941 года. М., 2009. С. 399.*

Британской империи»¹³³. Высказывая это британским собеседникам, Гесс «подчеркивал самоубийственность войны между двумя “великими северными расами”, в результате которой может восторжествовать лишь “большевистское варварство”»¹³⁴. Он не рассчитывал, что Черчилль сразу согласится с его проектами, но надеялся, что сторонники прекращения войны с Германией среди британских политиков окажутся в конце концов сильнее премьер-министра. Ведь они были очень знатными людьми, некоторые из них имели статус герцога. Майский, фиксируя в дневнике свой разговор с Бивербруком, состоявшийся 3 июня 1941 года, записал, что британский министр саркастически бросил: «Гесс, должно быть, думал, что как только он изложит свой план, так все эти герцоги побегут к королю, свалят Черчилля и создадут “разумное правительство”... Идиот!»¹³⁵.

Рассказав о попытке Гитлера примириться с Великобританией через посредство Гесса, Бивербрук заметил, что германский фюрер «давно уже хочет мира (пока ему везет) и уже неоднократно в разных формах предлагал его Англии». Это было сразу же после краха Франции, когда «Германия через Швецию предлагала брит[анскому] пра[вительству] мир на почетных условиях и в таких формах, чтобы оно пред лицом всего мира не оказалось в роли державы, предавшей¹³⁶ доверившуюся ему страну»¹³⁷. Бивербрук не знал подробностей этого предложения, но выразил уверенность, что «Англия тогда могла бы заключить довольно благоприятный для нее мирный договор. Однако британское правительство, — подчеркнул он, — категорически ответило: нет. Оно ответило “нет” и сейчас, в связи с авантюрой Гесса. Тем не менее Гитлер не успокаивается»¹³⁸.

Далее в шифртелеграмме Майского сообщалось: «Бивербрук только сегодня получил известие, что немцы сейчас делают попытку предложить Рузвельту взять на себя мирную инициативу. Ничего из этого у них, конечно, не выйдет. Рузвельт ни за что не пойдет на мир, который санкционировал бы нынешнюю позицию Германии в Европе. Зато папа римский в последнее время,

¹³³ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского. 3 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 352. Д. 2402. Л. 133.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ *Майский И.М.* Дневник дипломата. С. 401.

¹³⁶ В оригинале — «предавшего» — В.Т.

¹³⁷ Шифртелеграмма посла СССР в Великобритании И. М. Майского. 3 июня 1941 г. Л. 132.

¹³⁸ Там же.

видимо, ищет соглашения с “осью”, — такая информация имеется в распоряжении брит[анского] пра[вительства]»¹³⁹.

Подобные весьма тревожные для Советского государства сообщения посла Майского о попытках руководства фашистской Германии заключить сделку с правящими кругами Запада шли из Лондона в Москву регулярно в течение второй половины мая и первых трех недель июня 1941 года. В достоверности таких сведений можно было сомневаться, но отвергать их как целиком ложные не имелось оснований. Заключение правительствами западных держав взаимовыгодных геополитических соглашений с руководством фашистской Германии не было невозможным с точки зрения интересов как Великобритании, так и США. Проблема заключалась лишь в отсутствии сколько-нибудь прочных гарантий того, что такие договоры будут их сторонами неукоснительно соблюдаться.

Фашистская Германия стремилась заключить сделку с Великобританией и США не для установления в Европе мира, а с целью создания более выгодных условий для своей дальнейшей военной экспансии — на восток, против СССР. То есть военные действия Германии должны были продолжаться, а это означало, что соотношение сил между западными державами не могло долго оставаться неизменным. Почти всю выгоду от успешного военного похода против Советского Союза, если бы германским правителям удалось его осуществить при поддержке правящих кругов Великобритании и США, получала лишь Германия. Именно к ней в этом случае переходил контроль над восточной территорией СССР, ее населением и материальными ресурсами. Это позволило бы Германии впоследствии затеять борьбу за передел мира с Великобританией. Германскому рейху вряд ли удалось бы включить в свой состав британские колониальные владения, но разрушить Британскую империю ему было вполне по силам. Лишившись колоний, Великобритания неизбежно теряла статус державы, способной оказывать существенное влияние на ход мировых дел. Тогдашний глава британского правительства хорошо это понимал и поэтому отвергал любые предложения о заключении геополитической сделки между Великобританией и фашистской Германией.

Позиция, которую премьер-министр Черчилль занимал в первые три недели июня 1941 года по отношению к германским правителям определялась не только конкретными обстоятельствами, но и его политическими

¹³⁹ Там же.

убеждениями. По характеристике Стаффорда Криппса, Уинстон Черчилль «пребывал в эпохе до 1914 года и отчаянно старался задержаться там, ошибочно полагая, будто можно все время смотреть назад и постоянно находиться в положении предохранительного клапана»¹⁴⁰. Однако документы, отражающие взгляды Черчилля, показывают, что при определенных обстоятельствах от каких-то своих старых подходов, вошедших в противоречие с реальностью, он вполне мог отказаться. Но были в нем и убеждения, просто слившиеся с его личностью. Так, считая судьбоносным для Великобритании сохранение ее колониальной империи, он безоговорочно зачислял в категорию врагов своей страны все те государства, которые несли хотя бы малейшую угрозу существованию Британской империи.

Внешняя политика, проводившаяся главой британского правительства в июне 1941 года относительно Советского Союза и фашистской Германии, имела чрезвычайно сложный и скрытный характер. Ее логику было трудно понять, если бы сам Черчилль не раскрывал иногда — случайно или сознательно — своих представлений о том, как Великобритания должна действовать на международной арене. Один из таких случаев произошел с ним ровно за шесть лет до рассматриваемых событий.

14 июня 1935 года И.М. Майский, пребывая в гостях у заместителя министра иностранных дел Великобритании Роберта Ванситтарта (Robert Vansittart), разговаривал около двух часов и притом в неформальной обстановке с Черчиллем¹⁴¹, который в то время являлся всего лишь публицистом и членом Палаты общин, но считался очень влиятельным парламентским политиком. В записи этого разговора, пересланной в Москву, советский посол счел необходимым заметить, что его собеседник «был очень оживлен и пил, как лошадь (вино, коньяк, виски и проч. и притом в громадных количествах), но это на нем почти не отражалось. Он только слегка покраснел и стал говорить с большей экспрессией»¹⁴².

¹⁴⁰ Цит. по: *Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз.* М., 2008. С. 34.

¹⁴¹ В мемуарах Майский отнес эту беседу с Черчиллем к июлю 1934 г. (*Майский И.М. Воспоминания советского дипломата (1925–1945 гг.).* М., 1971. С. 300–301). Однако на машинописной копии ее записи отчетливо обозначена дата 14 июня 1935 г.

¹⁴² Разговор с Уинстоном Черчиллем (Запись беседы полпреда СССР в Великобритании И. М. Майского с членом Консервативной партии Великобритании У. Черчиллем). 14 июня 1935 г. // Российский государственный военный архив (далее: РГВА). Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 630. Л. 122.

Когда разговор коснулся международного положения, Черчилль признался, что изменил свое мнение о Советском государстве. «18 лет назад он был уверен, что величайшей опасностью для Британской империи является русская революция, — сообщал Майский. — Теперь он думает иначе. Обстоятельства изменились. Черчилль не усматривает никакой опасности для Британской империи со стороны СССР». Правда, при этом он сделал оговорку: «По крайней мере, на ближайший отрезок времени — ну, скажем, на 10–15 лет»¹⁴³.

В настоящее время, сказал далее Черчилль Майскому, величайшая опасность для Британской империи идет из Германии. «Что такое гитлеровская Германия?» — спросил он и сам же ответил: «О, это страшная и опасная сила», а затем пояснил свою мысль: **«Гитлеровская Германия — это огромная научно-организованная военная машина с полдюжиной американских гангстеров во главе.** От них всего можно ожидать. Никто не знает точно, чего они хотят и что будут делать завтра»¹⁴⁴ (выделено мной. — В.Т).

То есть за четыре с лишним года до начала Второй мировой войны Черчилль понимал, что правители фашистской Германии в своих поступках непредсказуемы, как банды гангстеров в США в 1930-е годы. «У вас тоже диктатура, но другая, чем в Германии, — говорил он советскому послу. — У вас есть идеология, есть теория, есть принципы, есть партия... У вас есть настоящая хорошо организованная церковь... Да, да! Пожалуйста, не обижайтесь: коммунизм — это новая религия, и ваша коммунистическая партия — это не что иное, как новая церковь. В Германии ничего такого нет. Есть просто полдюжины озверелых гангстеров, которые делают все, что их правая нога хочет. Какова их внешняя политика? В какую сторону они направят свой удар?»¹⁴⁵.

Черчилль назвал Германию страшной и опасной силой не потому, что она управлялась **нацистами**, а по той причине, что группировка, захватившая эту страну, **действовала произвольно и непредсказуемо на международной арене.**

К июню 1941 года фашистская Германия, разгромившая союзника Великобритании Францию и оккупировавшая почти всю Европу, поставившая

¹⁴³ Там же. Л. 125.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же.

себе на службу материальные ресурсы, людской и производственный потенциал покоренных европейских стран, превратилась в мощную военную державу. В британском правящем слое сформировалась целая группа влиятельных сторонников Гитлера, но Черчилль по-прежнему считал чрезвычайно рискованным связывать судьбу своей страны с Германией. Убеждение в непредсказуемости германских правителей, в их неспособности соблюдать соглашения с правительствами других государств, которое он высказал послу Майскому ровно шесть лет назад, в это время в нем только усилилось.

Между тем советское руководство демонстрировало тогда строгую приверженность к соблюдению договоров с другими государствами. Когда посол Великобритании 6 июня 1941 года покидал Москву, в британских дипломатических и военных кругах распространялись прямо противоположные по своему содержанию слухи: с одной стороны — о том, что Германия вот-вот начнет войну с Советским Союзом, а с другой — что между Германией и СССР готовится заключение нового соглашения, на этот раз о еще более тесном сотрудничестве.

Реагируя на эти домыслы, нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов направил 7 июня 1941 года послу ИМ. Майскому в Лондон зашифрованную телеграмму следующего содержания: «Идену можете сказать, что мы вообще решили не опровергать многочисленные и противоречивые слухи о внешней политике СССР в виду их явной нелепости. Тем более, что слухи о расширении сотрудничества между СССР и Германией или о новом военном или экономическом соглашении между ними уже опровергнут самой Германией. Если Иден хочет получить от нас ответ, Вы можете ему заявить, что ни переговоры о новом соглашении, ни соглашение о расширении какого-либо сотрудничества не имели и не имеют места. Отношения между СССР и Германией определяются, как раньше, так и теперь, пактом о ненападении 1939 г.»¹⁴⁶.

В конце мая 1941 г. британские войска потерпели поражение от германских войск на Крите и вынуждены были оставить этот весьма важный для региона

¹⁴⁶ Шифртелеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова послу СССР в Великобритании И. М. Майскому. 7 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 365. Д. 2487. Л. 22–23. Текст данной телеграммы написан карандашом и собственноручно Молотовым, что свидетельствует о чрезвычайном значении, которое придавал этому посланию нарком иностранных дел СССР.

Средиземного моря форпост. 7 июня 1941 года премьер-министр Великобритании собрал редакторов лондонских газет, чтобы рассказать им о ситуации, которая в последнее время сложилась в войне с Германией. Выслушав это сообщение, один из редакторов задал Черчиллю вопрос об отношениях между британским и советским правительствами. Согласно записи в дневнике И.М. Майского, «Черчилль ответил, что сов[етское] пра[ительство] похоже на крокодила, который кусается, когда его бьешь и когда его ласкаешь. Брит[анское] пра[ительство], мол, пробовало разные средства для улучшения своих отношений с СССР, пыталось воздействовать на сов[етское] пра[ительство] и добром и не добром, но все до сих пор оказывалось бесполезным. В конце концов, брит[анское] пра[ительство] пришло к выводу, что лучше все предоставить естественному ходу событий»¹⁴⁷. После этого Черчилль заявил: «Столкновение между Германией и СССР неизбежно. Концентрация немецких войск на советской границе идет быстрыми темпами. Надо выждать...»¹⁴⁸.

10 июня 1941 года премьер-министр Черчилль отчитывался о ведении войны в Палате общин. Впервые за год и месяц пребывания на посту главы Кабинета министров он был подвергнут официальной критике, причем со стороны всех парламентских партий: лейбористов, консерваторов и национал-либералов.

Выйдя после дебатов из зала заседаний, И.М. Майский встретил Дэвида Ллойд Джорджа. Авторитетный британский политик не скрыл от советского посла, что не верит в победу Великобритании и считает желательным компромиссный мир с Германией с вынужденными территориальными уступками в ее пользу. Майский спросил, что Ллойд Джордж думает об условиях мира, предложенных Гессом. И услышал ответ: «Абсолютно неприемлемы. Если Гитлер будет на них настаивать, продолжение войны неизбежно»¹⁴⁹.

Дэвид Ллойд Джордж был либералом, а Черчилль — консерватором, однако позиция их по отношению к войне и Германии была единой: спасти Великобританию в тех условиях могло только Советское государство, если оно вступит в войну с Германским рейхом. Но британским политикам было

¹⁴⁷ Майский И.М. Дневник дипломата. С. 407.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же. С. 405.

совершенно ясно, что произойти это могло лишь в случае нападения фашистской Германии на СССР.

Криппс прибыл в Лондон вечером 11 июня 1941 года. На следующий день он встретился для обмена мнениями с главой Foreign Office Энтони Иденом¹⁵⁰. Британские газеты, вышедшие 12 и 13 июня 1941 года, опубликовали сообщения о концентрации германских войск на советской границе и неизбежности военного нападения Германии на СССР¹⁵¹.

13 июня 1941 года в 18.00 московское радио передало сообщение ТАСС, содержание которого было весьма необычным. В нем говорилось: «Еще до приезда английского посла г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о «близости войны между СССР и Германией». По этим слухам: 1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера, и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними; 2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР; 3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении войны.

ТАСС заявляет, что: 1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место; 2) по данным СССР, Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР

¹⁵⁰ 13 июня Иден сообщил о своей беседе днем ранее с прибывшим в Лондон Криппсом И.М. Майскому

¹⁵¹ И.М. Майский написал в своем дневнике под датой 12 июня 1941 г., что Черчилль дал министру информации Дафф Куперу: «инструкции раздувать тему о неизбежности войны между СССР и Германией» (*Майский И.М. Дневник дипломата. С. 407*).

лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям; 3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными»¹⁵².

В четвертом пункте данного заявления ТАСС утверждалось, что проходящие сейчас летние сборы запасных Красной Армии осуществляются ежегодно, они имеют целью обучение и проверку железнодорожного аппарата, и изображать их как враждебные Германии по меньшей мере нелепо.

В тот же вечер текст этого сообщения нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов вручил послу Германии В. Шуленбургу, а посол СССР в Великобритании И.М. Майский премьер-министру Черчиллю.

На следующий день данное сообщение было напечатано в газете «Правда», «Известиях Советов депутатов трудящихся СССР» и в других советских центральных газетах. Но это не означало, что информация была предназначена прежде всего для населения Советского Союза. Факт официальной передачи заявления ТАСС правительствам Германии и Великобритании показывает, что советское руководство стремилось посредством этого документа решить ряд важнейших политических и дипломатических задач. Зная, в какой обстановке было составлено данное заявление ТАСС, нетрудно догадаться, что оно появилось в международном политическом поле прежде всего для того, чтобы вызвать реакцию британского и германского правительств на массовое распространение в иностранных газетах слухов о неизбежности нападения Германии на СССР, а также чтобы подчеркнуть твердость Советского государства в вопросе о соблюдении заключенного с Германией пакта о ненападении.

В этой дипломатической операции кроме Сталина, который и составил текст рассматриваемого сообщения ТАСС, участвовал довольно узкий круг должностных лиц: нарком иностранных дел В.М. Молотов, его первый заместитель А.Я. Вышинский и посол СССР в Великобритании И.М. Майский.

Ни один из руководителей Германии не счел необходимым ответить на врученное германскому послу в Москве сообщение ТАСС, в котором слухи о

¹⁵² Сообщение ТАСС // Правда. 1941. № 163. 14 июня. С. 2.

намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР объявлялись «лишенными почвы». В.М. Молотов, вспоминая на склоне лет о сообщении ТАСС от 13 июня 1941 года, заметил, что оно представляло собой попытку толкнуть германских руководителей «на разъяснение вопроса». По его словам, «то, что они отказались на это реагировать, только говорило, что они фальшивую линию ведут по отношению к нам»¹⁵³.

Думается, однако, что Сталин предназначал этот документ прежде всего Черчиллю, а не Гитлеру. Реакция британского премьер-министра для советского вождя была намного значимее, нежели ответ германского фюрера, уже изготавившегося для прыжка на казавшийся ему почему-то легкой добычей Советский Союз. Не случайно, сообщение ТАСС начиналось с очень странного заявления: **«Еще до приезда английского посла г. Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о “близости войны между СССР и Германией”»** (выделено мной. — В.Т.). При чем здесь Криппс? — напрашивался вопрос. По всей видимости, Криппс был упомянут просто как **английский** посол. Заявление содержало не констатацию некоего факта, а всего лишь имя-приманку для привлечения повышенного внимания англичан к сообщению ТАСС. Мнение британского правительства и английского общества в целом о сложившейся ситуации было Сталину в высшей степени интересно. И имя Криппса в качестве приманки сыграло свою роль. Реакция англичан не заставила себя ждать.

16 июня 1941 года к Вышинскому как к первому заместителю наркома иностранных дел пришел на прием временный поверенный в делах Великобритании в СССР Г.Л. Баггалея. Он сказал, что «с большим удовольствием» прочитал сообщение ТАСС, опровергающее слухи о близости войны между СССР и Германией, распространяемые в иностранной печати, однако «не совсем понимает и несколько удивлен тем, что в сообщении ТАСС упоминается имя Криппса»¹⁵⁴. Британский поверенный обратил внимание Вышинского на то, что такие слухи появились впервые в Стокгольме, Анкаре и других пунктах и лишь затем были опубликованы и в английской прессе. Почему же, спросил он, «в сообщении ТАСС эти слухи и их распространение

¹⁵³ Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 42.

¹⁵⁴ Из дневника [первого заместителя наркома иностранных дел СССР] А. Я. Вышинского. Прием поверенного в делах Англии в СССР Баггалея. 16 июня 1941 г. // АВП РФ. Ф. 07. Оп. 2. П. 9. Д. 20. Л. 37.

связываются с приездом Криппса в Лондон?.. В то время, когда Криппс прибыл в Лондон, туда же приезжали и другие лица, но в сообщении ТАСС упоминается только имя Криппса. Чем это объяснить?»¹⁵⁵.

Вышинский оказался в трудном положении: на вопросы британского поверенного необходимо было дать ответ, но такой, чтобы он не выходил за рамки сказанного в сообщении ТАСС. И Андрей Януарьевич достойно вышел из этой ситуации. Он сказал Баггалею, что сообщение ТАСС констатирует факты, как они есть. А факты таковы, что «после прибытия Криппса в Лондон английская пресса особенно стала муссировать слухи о предстоящем нападении Германии на СССР. Сообщение ТАСС характеризует поведение английской прессы до и после приезда Криппса в Лондон»¹⁵⁶.

Но британский поверенный этим ответом не удовлетворился. Он не спорил с «логически правильным изложением этой части сообщения ТАСС», но не находил в сообщении ТАСС и в объяснениях Вышинского ответа на вопрос о том, «почему же в этой связи упоминается имя Криппса?»¹⁵⁷. Вышинский на это заметил, что какие-либо претензии в данном случае «надлежало бы адресовать к английским журналистам и редакторам газет, которые так усиленно стали муссировать слухи, опровергнутые ТАСС, особенно после приезда в Лондон Криппса»¹⁵⁸.

После этого Баггалею перестал задавать вопросы, сказав, что вернется к этой теме, только если получит инструкции от своего правительства. Он, кажется, понял, наконец, что имя британского посла в СССР попало в сообщение ТАСС не потому, что сам Криппс распространял слухи о скором нападении Германии на Советский Союз, а потому что прибыл в Лондон именно в тот момент, когда эти слухи распространялись лондонскими газетами.

В конце этой беседы, продолжавшейся 25 минут, Баггалею счел необходимым сообщить Вышинскому, на какие положения сообщения ТАСС он обратил особое внимание. В нем имеется, отметил он, два основных положения: «во-первых, в сообщении указывается, что между СССР и Германией никаких переговоров не было и, во-вторых, что нет никаких оснований для выражения беспокойства в связи с передвижениями германских

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же. Л. 38.

войск»¹⁵⁹. На вопрос Вышинского, кого Баггалеи имеет в виду, говоря о выражении беспокойства, британский поверенный ответил, что СССР. Андрей Януарьевич сказал, что, «как видно из сообщения ТАСС, для СССР нет никаких оснований проявлять какое-либо беспокойство. Беспокоиться могут другие»¹⁶⁰.

На этом визит поверенного Великобритании к первому заместителю наркома иностранных дел СССР завершился. Странные вопросы, которые Баггалеи задавал Вышинскому, показывали, что первой реакцией британских политиков на дипломатический ход Сталина, представленный в виде сообщения ТАСС об опровержении слухов о нападении Германии на СССР, была глубокая растерянность.

Британский поверенный пытался понять смысл содержания заявления ТАСС от 13 июня 1941 года исключительно с точки зрения интересов Великобритании. Поэтому главным положением этого документа он назвал его первый пункт — о том, что никаких переговоров о заключении какого-либо нового, более тесного соглашения между СССР и Германией не велось, поскольку такого предложения от германского правительства даже не поступало.

Но с точки зрения интересов Советского государства в заявлении ТАСС от 13 июня 1941 года главным был третий пункт, где говорилось, что СССР «соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными».

В.М. Молотов обратил внимание именно на это утверждение, вспоминая о рассматриваемом заявлении ТАСС. По его признанию, данное заявление было необходимо «как последнее средство. Если бы мы на лето оттянули войну, с осени было бы очень трудно ее начать. До сих пор удавалось дипломатически оттянуть войну, а когда это не удастся, никто не мог заранее сказать. А промолчать — значит вызвать нападение. И получилось, что 22 июня Гитлер **перед всем миром стал агрессором. А у нас оказались союзники**»¹⁶¹ (выделено мной. — В.Т.).

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Сто сорок бесед с Молотовым. С. 43.

Накануне вооруженного нападения фашистской Германии на СССР Сталин стремился исключить любые поводы для того, чтобы германская агрессия могла быть представлена мерой самообороны.

* * *

16 июня 1941 года Криппс выступил с докладом перед членами британского правительства. Рассуждая о способности Советского государства отразить военное нападение Германии, он сказал, что для Великобритании было бы лучше, если бы Советский Союз оставался хотя бы год не вовлеченным в войну, являясь для Германии потенциальной угрозой и сковывая тем самым ее силы. Если же германские вооруженные силы все же двинутся на восток, то армия Советского государства сможет противостоять им **не более двух-четырех недель. После этого Москва падет...**